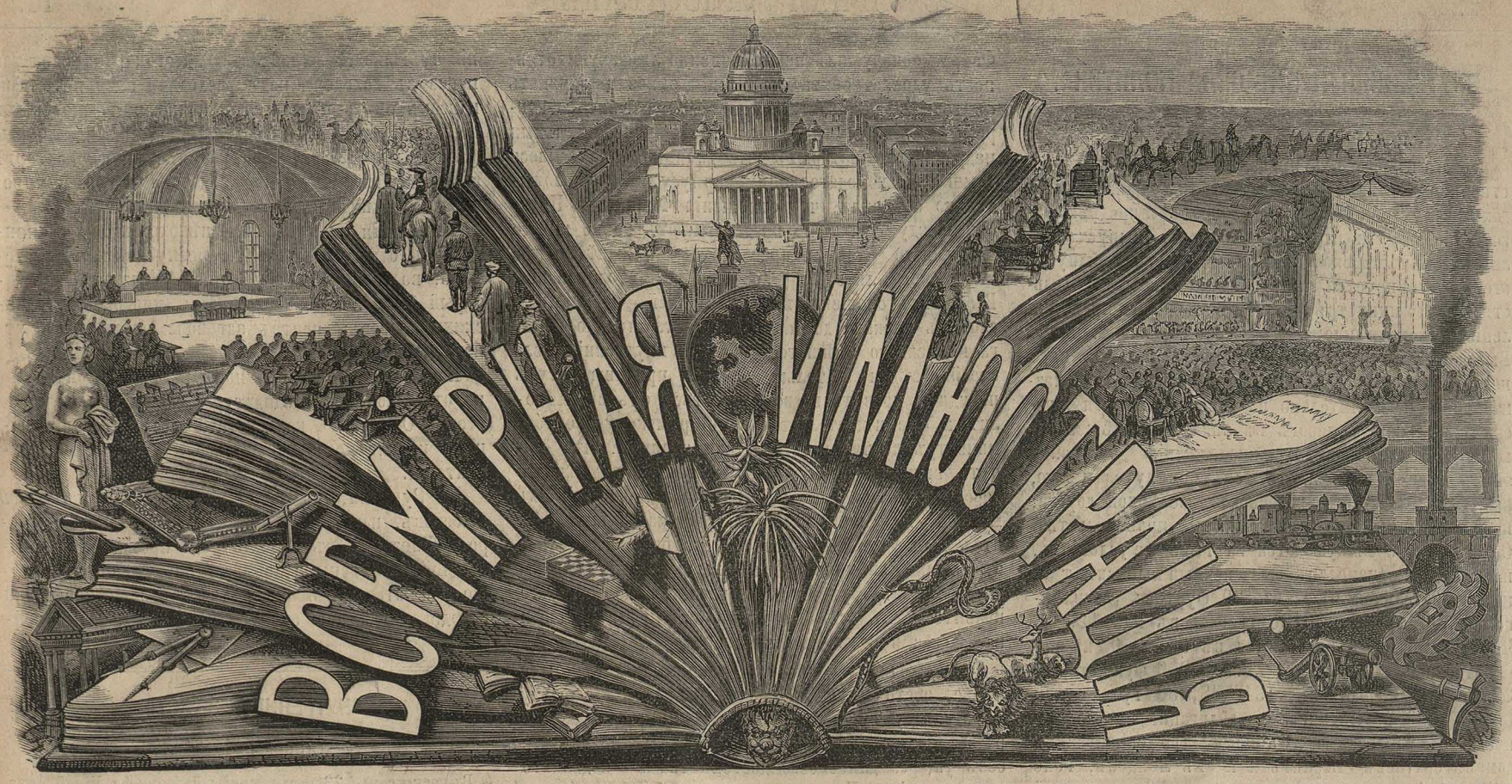
XIV 38/1
1869 IV-VI
т. 1 №15-26

2015594024

XIV 38/1



ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
» съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
» съ пересылкою . . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и А. Ланга), безъ доставки . . 13 р.

I ГОДЪ. ТОМЪ I № 15.
5 АПРѢЛЯ 1869 г.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ **еженедѣльно** въ форматѣ большаго двойнаго листа въ 16 страницъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ
ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ
[ГЕРМАНА ГОППЕ] НАХОДИТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика.—Внутреннія извѣстія.—Густавъ Дорé.—Проэктируемый Севастопольскій музей.—Западная жизнь.—Наши замѣчательные дѣятели П и Ш.—Новый апаратъ для очищенія воды, для войскъ во время похода.—Исправительная тюрьма въ Лондонѣ.—Новости изъ далека.—Письмо изъ Москвы.—Концертъ въ пользу инвалидовъ.—Гекторъ Берліозъ.—Новый центральный путевой дворъ желѣзной дороги въ Штутгартѣ.—«На чистоту» (Повѣсть).—Почтовый ящикъ.—Библіографія.—Объявленія.—Шахматная задача № 11.—Шахматы въ Вѣнѣ.

РИСУНКИ: Концертъ въ пользу инвалидовъ.—Потопъ, рис. Г. Дорé.—Притча о бѣдномъ Лазарѣ, рис. Густава Дорé.—М. Н. Катковъ.—Новый апаратъ для очищенія воды.—П. М. Леонтьевъ.—Исправительная тюрьма въ Лондонѣ.—Горе и беззаботность.—Гекторъ Берліозъ.—Станція желѣз. дороги въ Штутгартѣ.—Виньетка къ пер. сказ. Э. Лабулэ.

Ежегодный концертъ въ пользу инвалидовъ, 19 марта, въ залѣ Большаго театра.

(Рисовалъ на деревѣ К. Брожъ, гравюра К. Лаугеля).

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

1 Апрѣля.

Вчера, въ особомъ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику», напечатанъ Высочайшій указъ, данный на имя министра финансовъ и предписывающій произвести второй и послѣдній выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. Выпускъ этотъ мотивируется въ указѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что министръ финансовъ въ своемъ представленіи, разсмотрѣнномъ въ особомъ, назначенномъ Высочайшею волею комитетѣ, поставлялъ на видъ пользу усиленія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго исключительно на довершеніе сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ видахъ споспѣшествованія безостановочному продолженію постройки этихъ дорогъ, предложилъ, съ упомянутою цѣлью, выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги, предоставленныхъ въ распоряженіе правительства. Облигаціи эти выпускаются на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ произведенъ былъ первый выпускъ, т. е. по нарицательной цѣнѣ въ 20 фунтовъ стерлинговъ, 500 франковъ, 236 гульденовъ или 125 р. Число облигацій опредѣляется въ 555,500 на нарицательный капиталъ въ 11.110,000 фун. стерл., 277.750,000 франковъ, 131,098,000 гульд. или 63.437,500 р. Подписка на облигаціи новаго выпуска открывается черезъ посредство банкирскихъ домовъ братьевъ Берингъ и К° въ Лондонѣ, Гопе и К° въ Амстердамѣ, Готтингера и К° и учетной конторы (Comptoir d'Escompte) въ Парижѣ. Облигаціи навсегда освобождаются отъ какой либо пошлины.

Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги не останется, конечно, безъ вліянія на нашу биржу. Объ этомъ выпускѣ толковали уже довольно давно и люди компетентные не безъ нѣкотораго страха ожидали, что появленіе новыхъ фондовъ отразится довольно сильнымъ пониженіемъ на прочихъ русскихъ бумагахъ и фондахъ. Обстоятельства, вѣроятно, не замедлятъ показать намъ на сколько были справедливы эти опасенія.

На дняхъ общее вниманіе публики было устремлено на два приказа по морскому и по военному вѣдомствамъ, отданные по поводу дракъ, происходившихъ въ началѣ прошлаго марта мѣсяца между матросами и артиллеристами въ Кронштадтѣ. Въ обоихъ приказахъ, почти тождественныхъ по своему содержанію, говорилось, что разслѣдованіе, произведенное по поводу кронштадтскихъ дракъ, обнаружило, что въ ихъ серьезномъ характерѣ виновато главнымъ образомъ начальство матросовъ и артиллеристовъ и кронштадтская полиція, не съумѣвшія во время узнать о существовавшей уже нѣсколько времени враждѣ между нижними чинами названныхъ оружій и предупредить надлежащими мѣрами взрывъ этой вражды. Основываясь на этомъ, оба приказа объявляли болѣе или менѣе строгія взысканія (выговоры и аресты) начальственнымъ лицамъ Кронштадта, начиная отъ командира надъ портомъ, коменданта и городскаго полиціймейстера и кончая фельдфебелями, участвовавшихъ въ дракахъ ротъ включительно. Нижнимъ же чинамъ объявлялось, что если драка возобновится, то участники ихъ будутъ судимы военнымъ судомъ.

Такъ какъ между нашими читателями вѣроятно немало найдется имѣющихъ болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ между флотскою молодежью, то мы и считаемъ нелишнимъ упомянуть здѣсь о недавно-опубликованной Высочайшей волѣ, по которой флотскіе гардемарины и кондукторы сравниваются по своимъ правамъ съ офицерами портовыхъ экипажей. До сихъ поръ положеніе молодыхъ людей, носившихъ это, недавно учрежденное званіе, было довольно неопредѣленно. Окончившіе учебный курсъ, исполнявшіе на судахъ службу прежде поручавшуюся младшимъ офицерамъ, носящіе почти офицерскую форму, они однакожъ не имѣли офицерскихъ правъ и составляли что то среднее между нижними чинами и офицерами. Нынѣ эта неопредѣленность исчезаетъ и положеніе гардемариновъ и кондукторовъ во флотѣ опредѣляется вполнѣ отчетливо.

На западѣ Европы дѣла идутъ, по прежнему, очень вяло. Во Франціи правительство занято исключительно приготовленіями къ предстоящимъ выборамъ. Оно замѣтно старается привлечь на свою сторону избирателей. На дняхъ, въ законодательномъ корпусѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ де-Лаваллеттъ, отвѣчая на запросы Жюля Фавра, обнаружилъ необыкновенно любезную готовность удовлетворить стремленію оппозиціи: узнать съ точностью характеръ иностранной политики второй имперіи, и вдался въ такія успокоительныя подробности, которыхъ уже давно не приходилось слышать законодательному корпусу. Онъ положительно объявилъ, что отношенія Франціи и Пруссіи между собою не представляютъ ровно ничего тревожнаго, что они превосходны, и нынѣ, менѣе чѣмъ когда-либо, можно ожидать столкновенія. Въ своихъ сношеніяхъ съ Германіей, Франція, по словамъ маркиза де-Лаваллетта, старательно избѣгаетъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла своей сосѣдки и только важныя причины могутъ побудить правительство отказаться отъ своей политики невмѣшательства. По римскому вопросу министръ весьма категорически заявилъ, что минута вывода французскихъ войскъ изъ вѣчнаго города еще не настала. Отношенія Франціи къ Италіи, по словамъ министра, благопріятны, и итальянское правительство будто бы окончательно отреклось отъ принциповъ, вызвавшихъ ментанскую катастрофу. Что же касается до папскаго правительства, то оно будто бы процвѣтаетъ и все болѣе и болѣе укрѣпляется.

По восточному вопросу заявленія министра были менѣе обстоятельны. Онъ выразился въ пользу мира между Турціей и Греціей, но при этомъ порадовался, что эллинское правительство вышло безъ ущерба для своего достоинства изъ недавняго столкновенія. Характеризируя вообще политику Франціи, маркизъ де-Лаваллеттъ сказалъ, что она политика національная, потому что провозглашаетъ миръ и поддерживаетъ его.

Все это, конечно, не чуждо натяжекъ и не совсѣмъ-то вѣрныхъ толкованій, но важность заявленій Лаваллетта состоитъ не въ ихъ полной искренности, а въ самой формѣ, въ которой они сдѣланы. Изъ нихъ можно смѣло заключить, что французское правительство до поры до времени отложило всякую мысль о войнѣ. Что такое миролюбіе, не болѣе, какъ избирательный маневръ, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. Дѣло, очевидно, въ томъ, что императоръ французовъ, убѣдясь въ нежеланіи войны со стороны народа, считаетъ нужнымъ задобрить его для приближающихся выборовъ. Въ Тюильри должно быть догадались, что пропаганда мира, захваченная въ свои руки оппозиціей, можетъ сдѣлаться въ этихъ рукахъ опаснымъ оружіемъ, а потому и торопятся теперь пѣть въ одинъ тонъ съ своими противниками... Что будетъ послѣ выборовъ, если они окажутся благопріятными для правительства—это другой вопросъ, на который отчасти отвѣчаютъ не прекращающіяся военныя приготовленія на прусской границѣ, но это еще впереди, и до того времени Франціи предстоитъ пережить важный и нелишенный опасности для правительства моментъ общихъ выборовъ.

Оппозиція хорошо понимаетъ тактику правительства. Слыша столь неожиданно любезные отвѣты министра иностранныхъ дѣлъ, она ловко отпарировала наносимый ей ударъ, притворясь совершенно довольною данными ей объясненіями и придавъ заявленію этого удовольствія такую форму, какъ будто бы правительство уступило ея требованіямъ. Этотъ парламентскій фокусъ еще болѣе увеличитъ ея обаяніе на массы, которыя такимъ образомъ увидятъ, что лучшими и надежнѣйшими защитниками ихъ интересовъ являются все-таки независимые депутаты, настоянія которыхъ даже вынуждаютъ у правительства уступки, согласныя съ желаніями страны.

Дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ не подвигается впередъ. Хотя бельгійскій первый министръ Фреръ-Орбанъ и явился лично въ Парижъ для переговоровъ, но онъ все-таки не соглашается ни на какія уступки. По слухамъ, это упорство увѣнчается успѣхомъ и французское правительство откажется отъ настояній своихъ насчетъ сохраненія контрактовъ, заключенныхъ между собою бельгійскими и французскими желѣзно-дорожными компаніями, а будетъ хлопотать только объ установленіи однообразнаго тарифа для желѣзныхъ дорогъ обоихъ государствъ. На это Фреръ-Орбанъ по всей вѣроятности согласится.

Въ Англіи, министерство Гладстона обнародовало государственный бюджетъ на нынѣшній годъ. Несмотря на то, что торійскій кабинетъ оставилъ своему преемнику довольно крупный дефицитъ, въ нынѣшнемъ бюджетѣ, какъ и всегда при управленіи геніальнаго финансиста Гладстона, оказывается перевѣсъ доходовъ надъ расходами и министръ финансовъ опять предлагаетъ пониженіе нѣкоторыхъ пошлинъ, въ томъ числѣ и пошлины на доходъ (income taxe). Англичане, разумѣется, въ восторгѣ и финансовая репутація Гладстона еще болѣе упрочивается этимъ удивительнымъ tour de force.

Въ Италіи, по письмамъ нѣкоторыхъ кореспондентовъ, открытъ какой то республиканскій заговоръ, во главѣ котораго стоялъ Мадзини и въ который были вовлечены солдаты многихъ итальянскихъ полковъ; центръ заговора былъ, какъ утверждаютъ, въ Неаполѣ.

Король донъ-Фернандо португальскій, окончательно отказался отъ кандидатуры на испанскій престолъ. О другихъ кандидатахъ что то рѣчи однакожъ нѣтъ, а поговариваютъ объ установленіи директоріи.

Въ Румыніи, по поводу происходящихъ тамъ выборовъ, начинаются кое-гдѣ безпорядки. Въ городѣ Плоэшти (въ Валахіи), гдѣ преобладаетъ партія Братіано, вспыхнуло даже вооруженное возстаніе, въ которомъ приняла участіе и національная гвардія. Возстаніе это усмирено княжескими войсками.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

Въ воскресенье, 23 марта, графъ Лейндорфъ-Штейнертъ и баронъ Ромбергъ-Гердауэнъ, члены Прусской Палаты Господъ, имѣли честь быть представленными Его Величеству Государю Императору.

Церковныя извѣстія.

— «Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости» сообщаютъ, что преосвященнѣйшимъ Веніаминомъ, епископомъ камчатскимъ, получаются изъ Америки весьма отрадныя извѣстія: преосвященнаго Павла, остающагося въ Ситхѣ (Новоархангельскѣ), новые владѣльцы нашей бывшей колоніи — американцы Соединенныхъ Штатовъ—такъ полюбили, что при его служеніи церковь бываетъ полна ими. По просьбѣ ихъ онъ служитъ и собственно для нихъ, по ихъ календарю.

— Въ «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» напечатано донесеніе священника Уральско-Никольской церкви наказному атаману о сильномъ движеніи въ теченіи минувшаго 1868 года между уральскими казаками по дѣлу присоединенія къ единовѣрію. По одному только приходу Никольской церкви присоединилось въ этотъ годъ изъ секты непріемлющихъ священства 139 человѣкъ обоего пола казачьяго сословія.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— Газета «Дѣятельность» сообщаетъ, что комитетъ желѣзныхъ дорогъ рѣшилъ, чтобъ шуйско-ивановское Общество продолжало желѣзную дорогу отъ с. Иванова, черезъ Вычугу, до Кинешмы.

— Газета «Паровозъ» извѣщаетъ, что кіево-балтская желѣзная дорога будетъ открыта въ половинѣ сентября настоящаго года.

— «Ярославскія Вѣдомости» сообщаютъ, что на дняхъ мѣстное земство отправило въ Вологду А. К. Фогеля, члена губернской управы, обязавъ его: 1) вступить въ переговоры съ вологодскими капиталистами относительно проведенія желѣзной дороги отъ ихъ города на Рыбинскъ, или на Ярославль, и 2) изучить оба пути въ промышленномъ значеніи. По словамъ тѣхъ же Вѣдомостей, работы на ярославской желѣзной дорогѣ идутъ весьма успѣшно. Открытія дороги ожидаютъ къ концу нынѣшняго года.

— «Кіевлянинъ» извѣщаетъ, что распоряженіе объ устройствѣ телеграфнаго сообщенія между гг. Ровно и Каменецъ-Подольскомъ, приближается къ осуществленію. Новая линія будетъ проходить отъ г. Ровна, чрезъ гг. Острогъ, Заславль, Староконстантиновъ, Проскуровъ въ Каменецъ-Подольскъ. Изъ офиціальной переписки по этому предмету видно, что на устройство телеграфныхъ столбовъ и прочаго уже состоялся подрядъ.

Эсто-латышскія губерніи.

Въ «СПБ. Вѣд.» пишутъ: Латышскія, митавскія и рижскія газеты въ каждомъ нумерѣ сѣтуютъ на усиливающійся между крестьянами балтійскаго края голодъ. Причиною голода выставляется, какъ прошлогодній неурожай, такъ и высокая арендная плата, требуемая помѣщиками. Ближайшими послѣдствіями голода являются выселенія въ другія губерніи, попрошайничество, воровство, грабежи, убійства и даже голодная смерть.

—Въ *Рижскомъ Вѣстникѣ* пишутъ, что въ Петербургѣ ожидаютъ утвержденія устава «Прибалтійскаго Православнаго Братства», первою заботой коего будетъ устройство новыхъ церквей и новыхъ русскихъ школъ въ прибалтійскомъ краѣ. По этому поводу сказанная газета говоритъ, что на мѣстныхъ православныхъ лежитъ обязанность содѣйствовать этому Братству: «пусть они заявятъ открыто и правдиво о всѣхъ нуждахъ своихъ церквей, говоритъ *Рижскій Вѣстникъ*; пусть они укажутъ мѣста, на которыхъ необходимо строить новыя церкви, заводить новыя братства, новыя школы; пусть они выскажутъ со всею откровенностію о всемъ, что могло бы содѣйствовать успѣху русскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ,—и нѣтъ сомнѣнія, помощь къ нимъ явится.»

Земство.

— 26-го марта открыто Губернское Земское Собраніе для выбора недостающихъ мировыхъ судей по Днѣпровскому и Бердянскому уѣздамъ.

— Херсонское чрезвычайное земское губернское собраніе закрыто 23 марта. Недостававшее число мировыхъ судей избрано.

Торговля и ярмарки.

— Въ *Уфим. губ. Вѣд.* пишутъ слѣдующее о результатахъ багрянаго рыболовства, по рѣкѣ Уралу, между городомъ Уральскомъ и Коленовскимъ форпостомъ въ 1868—69 году. Участвовавшихъ въ рыболовствѣ было: хозяевъ 94; работниковъ 6.140 человѣкъ; употреблено соли на соленіе икры до 50 пуд., добыто красной рыбы 20.498 пуд., черной 1.405 пуд., икры 4.854 пуда, клею около 19 пудовъ. По мѣстнымъ цѣнамъ всего на сумму около 160.000 руб. сер.

— *Въ Вѣд. Одесск. Град.* пишутъ: Оборотъ по привозу въ 1868 году заграничныхъ товаровъ составляетъ, по цѣнности сумму 21,540.212 рублей, а по сравненію съ привозомъ 1867 года менѣе на 2,770,903 руб. Точно также и по количеству привозъ уменьшился по всѣмъ вообще главнымъ статьямъ колоніальныхъ, мануфактурныхъ и заводскихъ товаровъ.

— Торговля на Ростовской ярмаркѣ, по словамъ *Прав. В.*, находится въ разгарѣ всѣми вообще товарами, кромѣ панскихъ, и въ особенности ивановскихъ. Колебанія цѣнъ на товары незамѣтно.

— *Уфимскія Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ, что Мензелинская ярмарка настоящаго года была лучше прошлогодней. Въ ярмарку прошедшаго года было привезено товаровъ на 3.099.945 руб. и продано на 3,020.282 р.; пріѣзжихъ же, считая, по обычаю, только тѣхъ которые жили въ теченіи всей ярмарки и прописывали свои паспорты въ полиціи, 9.669 чел. Въ нынѣшнюю же ярмарку, начавшуюся 29-го декабря и окончившуюся 11-го января, привезено товаровъ на 4,240.286 р. и продано на 3,441.202 руб. Стеченіе же народа простиралось до 13.174 чел., также за исключеніемъ пріѣзжавшихъ на короткіе сроки и не заявлявшихъ о себѣ полиціи.

Банки.

— Въ Харьковѣ 23 марта происходило общее собраніе харьковскаго торговаго банка, которое постановило: вслѣдствіе непрекращающагося требованія на акціи банка, выпустить остальныя акціи на 300 тыс. рублей. Предварительная подписка уже простирается на 530 тыс. рублей.

Статистическій съѣздъ.

— Въ «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ, что на 28-е марта назначенъ съѣздъ въ гор. Вильнѣ секретарей статистическихъ комитетовъ губерній сѣверо-западнаго края для составленія програмы картографическихъ описаній этихъ губерній и для изысканія средствъ къ успѣшному исполненію этой важной работы. Докладчикомъ съѣзда назначенъ секретарь витебскаго губернскаго статистическаго комитета, г. Сементовскій, извѣстный уже многими полезными изданіями по статистической части. Сколько извѣстно, это счетомъ второй статистическій съѣздъ у насъ: первый былъ въ прошедшемъ году въ гор. Одессѣ.

Конно-желѣзныя дороги.

Въ «Извѣстіяхъ с.-петербургской городской Общей Думы» пишутъ, что предъявлено ходатайство полковника Ридингера и надворнаго совѣтника Мацнева о разрѣшеніи имъ устройства трехъ линій конно-желѣзныхъ дорогъ: а) отъ александровской мануфактуры по шлиссельбургскому шоссе и мимо Александро-Невскаго монастыря до станціи Николаевской желѣзной дороги; б) отъ больницы Всѣхъ Скорбящихъ по петергофскому шоссе, до новаго Калинкинскаго моста, что на Обводномъ каналѣ, и в) отъ этого мѣста, по Обводному каналу и Лиговкѣ, до станціи Николаевской желѣзной дороги. По выслушаніи сего ходатайства, соединенныя комисіи, не входя въ подробное его обсужденіе, положили: представить на благоусмотрѣніе гг. гласныхъ, что за послѣдовавшимъ заключеніемъ о недопущеніи дальнѣйшаго устройства конно-желѣзныхъ дорогъ вообще въ чертѣ города, они не видятъ повода дѣлать изъятіе для вышеуказанныхъ линій, что же касается продолженія таковыхъ по шлиссельбургскому и петергофскому шоссе, т. е. внѣ города; то разрѣшеніе на сіе отъ санктпетербургскаго городскаго общественнаго управленія не зависитъ.

Погода.

— Азовское море очистилось отъ льда, и навигаціонныя дѣйствія при Таганрогскомъ портѣ открылись 9-го марта.

— 31-го марта, Нева вскрылась отъ льда на 30 верстъ отъ истока, и до 40-й версты находится въ большихъ полыньяхъ.

Разныя извѣстія.

— Изъ таблицы, напечатанной въ *Морскомъ Сборникѣ* видно, что въ 1866 году у береговъ Россіи погибло: русскихъ судовъ 68, финляндскихъ—8; англійскихъ—18; шведско-норвежскихъ—11; датскихъ—2; германскихъ—10; италіанскихъ—2; голландскихъ 8; греческихъ—3; валахское—1 и неизвѣстно какой націи 1 судно.

— Въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что въ Херсонскомъ уѣздѣ до 40 тыс. десятинъ земли занято яйцами пруса. Мѣстные землевладѣльцы уже теперь приходятъ въ отчаяніе. Къ веснѣ, когда оплодотворятся эти насѣкомыя, онѣ грозятъ окончательною гибелью мѣстнымъ посѣвамъ.

Некрологъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, дѣйствит. стат. совѣтн., Николай Ивановичъ Бахтинъ † 26 марта, въ 7½ ч. утра. Немногимъ, конечно, изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, пишутъ въ С. П. Вѣд., выпадетъ такая доля, какая выпала на долю Николая Ивановича. Будущій историкъ остановится на немъ, какъ на одномъ изъ двигателей совершившихся въ Россіи, въ послѣднія десять лѣтъ, преобразованій, на одномъ изъ лучшихъ и безкорыстныхъ пособниковъ въ осуществленіи благихъ предначертаній настоящаго царствованія, немѣнявшаго своихъ убѣжденій съ годами и чинами, и про котораго смѣло можно сказать словами Шекспира, что до конца дней своихъ,—«человѣкъ онъ былъ во всемъ значеніи слова. Въ одномъ изъ слѣд. №№ Вс. Илл.» мы представимъ портретъ и біографію покойнаго.

Густавъ Доре.

(Paul Gustave Doré).

Сегодня приходится намъ занести на страницы нашего журнала короткую характеристику человѣка, призваніе и дѣятельность котораго, вдали отъ Петербурга, въ Парижѣ, совпадаютъ, отчасти, съ тѣмъ направленіемъ, съ тою главною мыслью, которая лежитъ въ основаніи «Всемірной Иллюстраціи». Мы хотимъ говорить о Густавѣ Доре, крупнѣйшей знаменитости современной французской живописи, о человѣкѣ, отдавшемся по преимуществу той отрасли ея, имя которой составляетъ второе слово въ названіи нашего журнала — «иллюстраціи».

Вотъ главныя черты внѣшней судьбы этого замѣчательнаго художника: онъ родился въ Страсбургѣ въ 1832 году, переѣхалъ въ Парижъ въ 1845 г. и кончилъ курсъ въ Lycée Charlemagne. Первые опыты карандаша его явились на общественный судъ въ 1848 г. въ «Journal pour rire». Вслѣдъ за этимъ, работая невѣроятно быстро и легко, Доре публиковалъ цѣлый рядъ своихъ произведеній. Въ настоящую минуту ему только 37-й годъ и по количеству произведеннаго имъ, по числу фигуръ и образовъ, вызванныхъ его рукою, онъ положительно не имѣетъ соперника, особенно если принять во вниманіе неоспоримую талантливость его, близкую къ геніальности, и относительное достоинство его работъ. Едва ли носитъ кто-нибудь изъ художниковъ имя болѣе громкое, болѣе любимое; едва ли кто-нибудь другой достигъ этой знаменитости такъ быстро, чтобы не сказать легко; едва ли кому-нибудь, не исключая Дюма и Скриба, принесъ успѣхъ такое обильное вознагражденіе славою и звонкою монетою, какъ Густаву Доре. И ему теперь только 36 лѣтъ отъ роду?!

Однимъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ въ развитіи общественнаго вкуса и наглядномъ распространеніи знаній въ обществѣ, служитъ, въ наше время, иллюстрація. Это культурное, историческое значеніе свое получила она только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, но первою разработкою обязана она Германіи. Еще въ XVI вѣкѣ, съ легкой руки Альбрехта Дюрера, Ганса Гольбейна, Ганса Бургкмайера и др., иллюстрація прокладывала себѣ дорогу по книгамъ, выходившимъ изъ нюрнбергскихъ, страсбургскихъ и аугсбургскихъ типографій.

Несовершенство рѣзьбы на деревѣ, недостаточность развитія печатнаго дѣла и бумажнаго производства, держали иллюстрацію весьма долгое время въ чорномъ тѣлѣ. Иллюстрація гнѣздилась въ книгахъ весьма скромно на заглавныхъ листахъ, въ бордюрахъ, на послѣднихъ страницахъ, или же, въ болѣе счастливомъ случаѣ, украшала она начало каждой главы, обрисовывая болѣе или менѣе красиво первую букву текста. Всякому случалось держать въ рукахъ своихъ подобныя книги XVI вѣка, съ ихъ желтою бумагою и неуклюжимъ готическимъ шрифтомъ, испещреннымъ титлами. Но уже и въ то далекое время, иллюстрація мало по малу завоевывала себѣ болѣе почетное мѣсто. Являлись дѣтскія азбуки съ буквами, составленными изъ амурчиковъ, или плясокъ смерти; являлись генеалогіи царствовавшихъ домовъ, украшенныя колючими и пышными гербами, а домовъ этихъ было тогда очень много, являлись иллюстрированныя библіи (такъ называемыя «библіи бѣдныхъ»); являлись изданія ботаники, анатоміи, акушерства съ рисунками и, наконецъ, цѣлые томы сочиненій Юлія Цезаря, Теренція, Виргилія, «Золотой Оселъ» Апулея, «Рейнеке Фуксъ» и пр. Въ XVII вѣкѣ рѣзьба на деревѣ, а слѣдовательно и книжная иллюстрація, уступила мѣсто гравюрѣ и держалась въ однихъ только Нидерландахъ Рубенсомъ и его школою. XVIII вѣкъ былъ не производительенъ для иллюстраціи, и только въ концѣ его, въ Англіи, начало воскресать полузабытое искусство и главнымъ двигателемъ его былъ Ѳома Бевикъ (Bewick), издавшій знаменитую исторію четвероногихъ съ картинками.

Наступили тридцатые года нашего столѣтія и иллюстрація попала впервые на должное ей направленіе съ изданіемъ иллюстрированныхъ журналовъ и газетъ; срочная обязательность появленія номеровъ, необходимость воспроизводить все замѣчательное, отъ портретовъ до ландшафтовъ, усилившійся запросъ со стороны публики, вызвали цѣлую фалангу изданій, и художниковъ, работающихъ на нихъ. Главныя изъ нихъ (первенство за лондонскою иллюстраціею) извѣстны читателю. Наше молодое изданіе, первое въ Россіи (о неудачныхъ, хотя и долгихъ опытахъ, мы не говоримъ), поставило себѣ цѣлью, на сколько возможно, не отставать отъ своихъ старшихъ собратовъ. Публика откликнулась на это желаніе сочувственно, и лучшіе изъ рисунковъ, помѣщенныхъ нами, куплены уже за границу и появятся со славянскими, германскими и романскими текстами.

Распространяться о значеніи иллюстраціи считаемъ мы излишнимъ. Крупныя явленія природы, искусствъ и наукъ, которыя, по самому существу своему, должны были оставаться въ крѣпостной зависимости за тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они появились, получаютъ, благодаря иллюстрированнымъ изданіямъ, какую-то текучесть, если можно такъ выразиться. Какой-нибудь ландшафтъ, положенный природою на далекомъ востокѣ, за тридевять морей, разносится съ листами бумаги по цѣлому міру и находитъ дорогу въ закоулки провинціи, въ недостаточныя семьи скромныхъ, живущихъ вдали отъ свѣта, людей. Путемъ нагляднымъ, осязательнымъ, воспитывается общественный вкусъ и расходятся знанія. Искусство, въ обширномъ значеніи этого слова, подвергаетъ людей тому таинственному, нравственному процесу, по которому красивое научаетъ доброму, по которому пріобрѣтенное свѣдѣніе, помимо ума, развиваетъ и чувство. Иллюстрированныя изданія—это искусство, размѣненное на мелкую монету; вотъ ихъ значеніе и вотъ ихъ обязанность.

Мы упомянули выше о иллюстрированныхъ изданіяхъ библіи, Рейнеке Фукса и проч. Эти изданія, хотя и отличаются характеромъ своимъ отъ иллюстрированныхъ журналовъ, но тѣмъ не менѣе имѣютъ съ ними и безконечно много общаго. Не входя въ разсмотрѣніе этой общности и разности, мы скажемъ только, что иллюстрированіе классическихъ произведеній литературы было давно уже задумываемо и исполняемо, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Одною изъ самыхъ раннихъ и крупныхъ попытокъ должно признать изданіе Шекспира, предпринятое въ Лондонѣ альдерманомъ Бойделемъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Только одна треть всего плана приведена въ исполненіе и пред-

пріятіе это стоило около 100,000 фунтовъ!! Подобнымъ же дѣломъ было изданіе «Исторической Галлереи» Броуэра. Въ этихъ обоихъ изданіяхъ выразилось состояніе всего англійскаго искусства конца XVIII вѣка. На нашихъ глазахъ самые крупные таланты Германіи: Генелли, Шнорръ, Каульбахъ и др. оставили за собою циклическія изображенія тѣхъ или другихъ произведеній литературы. Но неоспоримую пальму первенства должно отдать иллюстратору по преимуществу, Густаву Дорé.

Вотъ приблизительный перечень его иллюстрацій: «Гаргонтуа и Пантагрюэль» Рабелэ, «Contes drolatiques» Бальзака, «Вѣчный жидъ», «Сказки» Перро, «Essais» Монтэня, «Адъ» Данта, «Донъ-Кихотъ» Сервантеса, «Путешествіе въ Пиренеяхъ» Тэна, «Атала и Рене» Шатобріана, «Старый и новый завѣтъ», «Басни Лафонтена», множество работъ въ мелкихъ изданіяхъ и журналахъ, изданіе «Musée Anglo-Français» въ сотрудничествѣ съ Филипономъ и пр. и пр. Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ Дорé, упомянемъ тутъ-же, что, помимо иллюстраціи, Дорé, писалъ и пишетъ масляными красками картины батальныя, историческія и ландшафты. Намъ довелось видѣть одну изъ его работъ «Франческу Римини»: общій характеръ картины произвелъ на насъ впечатлѣніе невыгодное. Работа эта напомнила намъ, какъ по колориту, такъ и по замыслу, характеръ работъ эклектиковъ Болоньи, школы Караччи. Первое, что бросалось въ глаза, это главнѣйшее отсутствіе самобытности. Въ картинѣ было все: и краски, и тѣни, и правильность, но не было Дорé, не было печати, прилагаемой каждымъ великимъ талантомъ къ своему произведенію. Общественный судъ отнесся холодно къ картинамъ художника. Говорятъ, что лучшая вещь его, это «Вечеръ въ Гренадѣ». Называютъ и нѣкоторыя акварели.

Читатель видитъ, что мы начали съ указанія на слабѣйшую сторону Дорé; обратимся теперь къ его настоящей дѣятельности, къ иллюстраціямъ. Въ сегодняшнемъ № представляемъ мы два рисунка изъ библіи: сцену изъ «Всемірнаго потопа» и «Притчу о Лазарѣ». Въ скоромъ времени надѣемся мы дать образчики изъ Донъ-Кихота и Басень Лафонтена.

Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что того количества людскихъ фигуръ, которыя вышли изъ-подъ карандаша Дорé, достаточно было-бъ для заселенія цѣлаго нѣмецкаго герцогства. Фантастическое герцогство это не было-бы лишено и другихъ обитателей, въ соотвѣтствующемъ количествѣ; мы разумѣемъ цѣлыя стада коровъ, овецъ, лошадей. Если добавить къ этому весь міръ басенныхъ и сказочныхъ призраковъ и видѣній, которыми изобилуютъ работы Дорé, если вспомнить о безконечномъ разнообразіи пейзажа, о четырехъ стихіяхъ играющихъ въ нихъ весьма крупную и видную роль, — объ этомъ смѣломъ и счастливомъ разрѣшеніи контрастовъ свѣта и тѣни, только тогда получимъ мы понятіе о численности созданій молодаго художника. Если кто-нибудь изъ живописцевъ создалъ свой міръ и живетъ въ немъ, такъ это именно г. Дорé.

И какъ хорошъ и разнообразенъ этотъ міръ! какъ легко и живо, точно улыбаясь своему рожденію на свѣтъ, являются формы, вызываемыя его карандашемъ! Съ поразительною и невѣроятною готовностью прислуживается ему фантазія и не становится въ тупикъ передъ самыми дерзкими, едва возможными для рисунка, задачами. Между вещами Дорé есть такія, которыя достигаютъ послѣднихъ предѣловъ живописи: еще шагъ и это былъ-бы непроглядный хаосъ очертаній, еще немного труднѣе задача и художникъ-живописецъ долженъ-бы былъ преобразиться въ художника-поэта и смѣнить карандашъ на перо..., но шагъ этотъ еще не сдѣланъ и передъ зрителемъ красуется, охваченное неподвижными чертами, неподвижно лежащее на бумагѣ, видѣніе, носившееся въ мысли художника и свѣтившее его духовному оку! Нужно-ли Дорé выраженіе глубокаго и ненарушимаго покоя, — онъ рисуетъ заснувшій дворецъ въ «La belle au bois dormant», и какъ краснорѣчивы эти покоящіяся, такъ какъ засталъ ихъ чудесный сонъ, группы людей и животныхъ. эта перепутанная растительность, это безукоризненное молчаніе всего видимаго и невидимаго. Нужно-ли художнику представить сцену самаго дикаго, необузданнаго движенія — вспомните ту сцену потопа въ «Библіи», гдѣ масса людей и животныхъ карабкается на скалу, спасаясь отъ подступающей воды; гдѣ, точно птицы, взобрались они на громадное, допотопное дерево: дерево не выдержало, ломается и эта живая каша людей сыплется въ бушующія и неумолимыя волны. Масса дѣйствуетъ на васъ массою, но вникните въ каждаго человѣка, въ каждую группу, — она говоритъ за себя. Нигдѣ нѣтъ повтореній, все новое, вѣчно новое, постоянно новое, такъ что въ глазахъ пестритъ, въ мысли мутится, художникъ утомляетъ васъ, и, къ несчастію, утомляется самъ. Глубокое и добросовѣстное изученіе анатоміи сказывается на каждомъ шагу; во многихъ, очень многихъ случаяхъ пріемъ Дорé напоминаетъ М. Анжело Въ его фигурахъ, особенно въ нагихъ фигурахъ, есть что-то элементарное, могучее, есть что-то являющее собою основныя стихійныя силы природы. Нужды нѣтъ, что фигуры эти малы, нужды нѣтъ, что художникъ не пользуется красками, — рисунокъ и свѣто-тѣнь достаточны для полнѣйшей иллюзіи; краски, которыхъ нѣтъ на самомѣ дѣлѣ, такъ и снуютъ передъ глазами по этимъ людямъ и призракамъ, по этимъ характернымъ и полнымъ воздуха пейзажамъ. Въ черныхъ рисункахъ своихъ, какъ это ни покажется страннымъ, Дорé неоспоримо колористъ и колористъ первой степени.

Потопъ, рисунокъ Г Дорé.
(Изъ Штутгартскаго изданія Библіи, Эдуарда Галльбергера).

Перелиставъ любое изъ его произведеній, вы чувствуете, что ходили куда-то далеко, очень далеко. Вся школа освѣщенія, отъ бѣлаго пятна, до безусловной чернильной темноты; вся лѣстница ощущеній, отъ яраго, бѣшенаго страданія человѣка (до идилической, лучезарной улыбки несущагося призрака, до комизма, до ироніи); все неисчислимое обиліе очертаній въ природѣ отъ языковъ огня и струй ручья, до иззубренныхъ, острыхъ профилей скалъ, все это является по зову Доре́, является будто запросто, будто такъ и быть должно. Мы не знаемъ другаго живописца, произведенія котораго смотрѣлись-бы такъ легко, какъ произведенія Доре́. Ни тѣни усилій, ни намека на трудъ — а это одно изъ необходимѣйшихъ условій полнаго успѣха.

Еслибъ отъ насъ потребовали объясненія главной, отличительной черты Доре́, мы-бы ни на минуту не задумавшись, назвали ее: фантастической. Фантастическій жанръ имѣетъ, въ настоящую минуту, во Франціи многихъ представителей. Стоитъ назвать имена Penguilly, l'Haridon, Celestin, Nanteuil, de Lemud Lambron и другихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Но никто изъ нихъ не можетъ состязаться съ Доре́. Доре́ положительно давитъ своею изобрѣтательностью и исключительнымъ умѣніемъ воплощать образы. Растительное и животное, возможное и невозможное, красивое и безобразное, все это кишитъ подъ его рукою съ быстротою неимовѣрною, часто въ ущербъ смыслу, въ ущербъ законности самыхъ будничныхъ правилъ. Ему нѣтъ почти никакого дѣла до исторической правды; въ ассирійскомъ храмѣ представляетъ онъ сводъ, дѣлая этимъ ошибку на VIII столѣтій. Ноевъ ковчегъ построенъ у него такъ хорошо, будто только-что спущенъ съ Тулонской верфи; но эти мысли не останавливаютъ его, онъ гонится за общимъ и этимъ общимъ заглушаетъ онъ мелкія противорѣчія и всю скучную археологическую дребедень. Возможно, очень возможно, что Доре́ кончитъ худо, что онъ захлебнется въ своихъ собственныхъ созданіяхъ, но этого исхода, если таковой будетъ, предупредить невозможно. Это значило-бы запретить человѣку дышать потому, что кислородъ сжигаетъ организмъ его, или мечтать, что было бы, еслибы осень настала прежде лѣта.

Отдавая полную справедливость внѣшней сторонѣ дѣятельности Доре́, мы должны отозваться иначе о внутренней. На всемъ, что вышло изъ подъ карандаша Доре́, лежитъ одна общая, не отдѣлимая отъ его производительности черта: все, что онъ создалъ, создано имъ изъ вторыхъ рукъ. Первую основную мысль давали ему Дантъ, Сервантесъ, Лафонтенъ и Бальзакъ. Въ психологическомъ отношеніи было бы въ высшей степени любопытно изслѣдовать причину этого недостатка одной изъ пружинъ необходимыхъ полному художнику. Талантъ Доре́ только откликается на ту или другую ноту, задѣтую въ немъ чужимъ вдохновеніемъ. Задѣтая струна вызываетъ въ немъ сочувственные звуки другихъ струнъ; цѣлый міръ сразу поднимается въ его фантазіи и передается карандашу, но первую-то струну задѣваетъ въ немъ не самая жизнь, а только отраженіе жизни въ томъ или другомъ литературномъ твореніи. Эта работа изъ вторыхъ рукъ, это отчужденіе отъ жизни вноситъ во всѣ созданія Доре́ какую-то экзотичность, что-то кажущееся, не имѣющее корня. Если художественной правды въ немъ много, за то жизненной не достаетъ. Прежде всего сознаетъ это онъ самъ. Оттого-то такъ любитъ онъ фантастическое, оттого-то играетъ онъ размѣрами, шутитъ освѣщеніемъ, обманываетъ формами. Но эта игра, эта шутка, этотъ обманъ отзываются большою силою и, слѣдствіемъ ея, полнѣйшею легкостью работъ. Легко работать могутъ или совершенныя бездарности или таланты первой величины. Что Доре́ не бездарность, это ясно всякому, остается согласиться со вторымъ и вотъ причина, почему, въ началѣ статьи, назвали мы его «близкимъ къ геніальности».

Мы съ удовольствіемъ побесѣдовали бы съ читателемъ о томъ: не предназначено ли иллюстраціи (гравюрѣ, литографіи и пр.), отодвинуть на задній планъ картинную живопись? Вопросъ этотъ возможенъ, но мы отложимъ его до другаго времени, а теперь скажемъ два слова о рисункахъ изъ Библіи, представляемыхъ нами.

Первый изъ нихъ писанъ на текстъ «Книги бытія» 7, 21. Это послѣднее мгновеніе въ жизни допотопнаго міра. На вершинѣ мшистой, острой скалы собрались не многіе представители отходящей жизни. Выше всѣхъ красуется царственная тигрица, думая спасти въ зубахъ своихъ хотя одного дѣтеныша. Слышно какъ она реветъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ненужную ей добычу дѣтей человѣка. Одно изъ этихъ дѣтей готово свалиться со скалы. Подплывшій отецъ радъ бы остановить неосторожное движеніе ребенка, но онъ владѣетъ только одною рукою, другая занята поддержкою полумертвой матери (голова ея поставлена совершенно неправильно: шейнымъ позвонкамъ нѣтъ мѣста). Старшій мальчикъ осторожнѣе: онъ никому не помогаетъ, лишь бы спастись самому. Опасность, угрожающая ему, олицетворена въ захлѣбнувшемся однолѣткѣ его, удерживаемомъ на поверхности воды рукою уходящаго подъ воду отца. Утомленныя долгимъ летаніемъ птицы дѣ-

Притча о Лазарѣ, рисунокъ Г. Доре́.
(Изъ Штутгартскаго изданія Библіи, Эдуарда Галльбергера).

лаютъ послѣдніе круги передъ тѣмъ, чтобы упасть въ волны. Послѣднее слово гнѣва Божія близко къ исполненію. Земли и ея обитателей не существуетъ; читатель не долженъ забывать, что эти послѣднія проявленія жизни происходятъ надъ неизмѣримою глубиною. Молчаніе смерти царствуетъ на заднемъ планѣ рисунка и составляетъ превосходный контрастъ съ описанною сценою и съ пѣнистымъ прибоемъ подкатывающейся волны. Тамъ дѣло рѣшено—здѣсь оно рѣшается. Расположеніе группъ, постройка рисунка могутъ выдержать самую строгую критику.

Второй рисунокъ, печатаемый нами, это притча о бѣдномъ Лазарѣ (Лука XVI, 19—21). Объяснять содержаніе его мы считаемъ излишнимъ, но не можемъ не обратить вниманіе читателя на ошибку, допущенную Doré: самое пышное изъ зданій Іерусалима того времени, храмъ, имѣлъ длиною около 31,50 метра и высоты 15,75, слѣдовательно обиталище богача не могло быть такое роскошное и громадное, какимъ представляетъ его Doré; Іерусалимъ, да и всѣ города Палестины, состоялъ изъ мелкихъ и приземистыхъ строеній. Дворецъ Ирода, въ то время построенный, былъ громаднѣе, но, по словамъ Ф. Іосифа, отличался полнѣйшимъ подражаніемъ римскому искуству, начиная съ коринѳскихъ капителей. Если Doré хотѣлъ іудаизировать капители, то непремѣнно составною частью ихъ должны были быть виноградъ и колосья, но этого то именно онъ и не сдѣлалъ, такъ что архитектурная обстановка пиршества совершенно ложная. Мы говорили выше о той легкости, съ которою относится Doré къ историческимъ даннымъ,—рисунокъ къ притчѣ о бѣдномъ Лазарѣ доказываетъ это.

С.

Проэктируемый «Севастопольскій Музей».

Кто не помнитъ того, что было пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Севастополѣ? сколько было пролито тамъ крови и совершено истинно геройскихъ подвиговъ! Все это, въ настоящее время, принадлежитъ исторіи. Тѣмъ не менѣе однако, событія того времени имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдовавшія затѣмъ у насъ преобразованія; для Россіи съ тѣхъ поръ наступилъ новый періодъ жизни, а потому, казалось бы, слѣдовало воздвигнуть памятникъ событіямъ, послужившимъ началомъ обновленія нашего отечества и, такимъ образомъ, на всегда запечатлѣть ихъ въ памяти потомства.

Много образованныхъ людей пріѣзжаетъ посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ прежде былъ Севастополь, желая, конечно, удовлетворить своей любознательности и на самомъ мѣстѣ происшествія узнать то, что ихъ интересуетъ. Но тамъ они встрѣчаютъ лишь однѣ молчаливыя развалины, а если имъ и попадется какой нибудь матросъ (ветеранъ того времени), то, что-же онъ можетъ разсказать, если и самъ ничего не видѣлъ далѣе той батареи, на которой дрался?

Правда, теперь еще существуютъ, такъ сказать, живые памятники той кровавой драмы; они конечно могутъ дать точные отвѣты на предлагаемые имъ вопросы, но вѣдь ихъ считается по спискамъ всего лишь 512 человѣкъ *), да и тѣ разбросаны по всѣмъ концамъ нашего обширнаго отечества. Слѣдовательно, какимъ же путемъ можетъ быть удовлетворено любопытство того, кто пріѣдетъ на развалины Севастополя искать отвѣта на интересующіе его вопросы?

Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, наступило время увѣковѣчить въ памяти славную эпоху севастопольской обороны и ея дѣятелей, потому что число этихъ послѣднихъ съ каждымъ годомъ дѣлается меньше; пройдетъ еще нѣсколько десятилѣтій и эти живые остатки изчезнутъ съ лица земли.

Все это подало мысль одному севастопольцу, г-ну Алабину, предложить своимъ бывшимъ сослуживцамъ устроить въ Севастополѣ музей. Идеи свои, по этому поводу, г-нъ Алабинъ прекрасно изложилъ въ № 1-мъ Русскаго Инвалида этого года и севастопольцы сочувственно отозвались на нихъ. Да и не одни севастопольцы могутъ сочувствовать этому дѣлу, а всякій, кому только дороги слава и честь своего отечества.

Если Парижскій и Лондонскій музеи имѣютъ особое отдѣленіе подъ названіемъ «Севастопольскаго музея», то намъ русскимъ, и подавно слѣдуетъ имѣть подобное учрежденіе на самыхъ широкихъ основаніяхъ.

Извѣстно, что севастопольцы, проживающіе въ Петербургѣ, разъ въ годъ собираются на общій обѣдъ, что было и нынче 11-го февраля. На этомъ то обѣдѣ и зашла рѣчь о проэктируемомъ музеѣ и генералъ-адъютантъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, въ одномъ изъ своихъ тостовъ сказалъ, что онъ жертвуетъ для упомянутаго музея свой севастопольскій домъ, въ которомъ онъ жилъ во время обороны. Такимъ образомъ, начало сдѣлано и остается лишь продолжать его.

По мнѣнію г. Алабина: «музей этотъ долженъ быть такъ устроенъ, чтобы, съ одной стороны, каждый посѣтитель Севастополя нашелъ въ этомъ учрежденіи, по возможности, самые точные и подробные отвѣты на всѣ вопросы, касающіеся событій, прославившихъ этотъ городъ, нашелъ бы полное удовлетвореніе своей любознательности, объясненія самыя положительныя всего, что онъ увидитъ посреди знаменитыхъ развалинъ и вообще живую картину великой борьбы 1853—54 годовъ, во всѣхъ ея фазисахъ; съ другой стороны, чтобы музей этотъ послужилъ мѣстомъ, куда могъ бы каждый севастополецъ сложить, къ концу дней своихъ, всѣ тѣ вынесенные имъ изъ кровавой борьбы предметы, которые служили ему, впродолженіе послѣдующей его жизни, вещественными воспоминаніями о дняхъ нашей отечественной скорби и славы». Тамъ же, по мнѣнію г. Алабина, должны быть собраны всѣ данныя, касательно не только одной севастопольской обороны, но вообще всей восточной войны.

Понятно, что подобнаго рода учрежденіе должны устроить сами севастопольцы, но вѣдь ихъ осталось немного, да и всѣ они, по большей части, народъ небогатый, а потому имъ конечно невозможно будетъ обойтись безъ посторонней помощи, такъ какъ для основанія упомянутаго музея потребуется нѣкоторый капиталъ; къ тому же, оставшаяся въ живыхъ горсть севастопольцевъ не можетъ снабдить музей всѣми, необходимыми для него, предметами, за неимѣніемъ таковыхъ въ своихъ рукахъ.

Редакція журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ», съ полною готовностію открывая свои страницы для всѣхъ заявленій по дѣлу учрежденія севастопольскаго музея, проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ: всѣ денежныя и незначительныя по объему вещественныя пожертвованія въ пользу этого учрежденія, а равно портреты и карточки доставлять въ редакцію; желающихъ же пожертвовать какія либо громоздскія вещи—направлять таковыя прямо въ Севастополь, на имя Севастопольскаго городскаго головы Петра Андреевича Телятникова.

О всѣхъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно объявляемо подробно въ «Военномъ Сборникѣ» и въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Такъ какъ въ Севастополь проводится теперь желѣзная дорога, то основать тамъ музей будетъ весьма кстати. Для посѣтителей тѣхъ мѣстъ предполагается имѣть при музеѣ лошадей, экипажи и проводниковъ, за умѣренную плату; кромѣ того, предполагается продавать тамъ: фотографическіе снимки всего замѣчательнаго въ Севастополѣ, какъ до такъ и послѣ его разгрома, также русскія сочиненія относящіяся къ его защитѣ, портреты героевъ и путеводитель по развалинамъ. Всѣ, собираемыя такимъ образомъ деньги, пойдутъ на усиленіе средствъ самого музея.

Если удастся устроить все такъ, какъ предполагается, то Севастопольскій Музей будетъ самымъ краснорѣчивымъ памятникомъ всей незабвенной эпохи отъ 1853—56 годовъ; онъ осязательнѣе всякой книги удовлетворитъ любознательность своего посѣтителя и, обнажая передъ нимъ вещественныя доказательства истины, предохранитъ эту послѣднюю отъ искаженія. Не возможно предполагать, чтобъ мысль объ основаніи подобнаго рода учрежденія не нашла себѣ сочувствія въ душѣ каждаго русскаго и нельзя не пожелать этой мысли полнѣйшаго успѣха.

Г Б.

*) Я говорю здѣсь только про образованныхъ дѣятелей того времени.

Изъ Парижа.

(Кореспонденція «Всемірной Иллюстраціи»).

Театральная лѣтопись.—Торжество въ Porte st. Martin. Фонъ, послужившій успѣху драмы Сарду. — Les Faux Ménages во французской комедіи.—Паралель съ Серафимой.—Затишье въ Одеонѣ.—Châtelet неудачной панорамой старика Дюма.—«Затычка» въ Вадвилѣ.—Le Talion въ театрѣ Menus-Plaisirs.—Два продукта неистощимаго Жака.—La Diva. — Le Vert-Vert. — Политическое возбужденіе и Сарду.—Пріемъ, оказанный его драмѣ критикой. Мой посильный отзывъ о «Patrie». Общее и конкретное содержаніе. Сказка и политическій колоритъ. Заслуга Сарду.—Его будущій дипломъ бельгійскаго гражданина.—Уличеніе въ кражѣ сюжета.—Игра актеровъ: Дюменъ, г-жа Форгейль, Бертонъ.

Эту кореспонденцію придется сдѣлать чисто театральной. Парижъ зажилъ, къ концу сезона, обновленной драматической жизнью. Прошлый годъ повалилъ четыре большихъ театра. Банкротства слѣдовали одно за другимъ въ ужасающей прогресіи... Но колесо опять уже вертится, и одинъ изъ обанкрутившихся театровъ ломится отъ волнъ публики, приливающихъ къ его кассамъ со всѣхъ концовъ международнаго Вавилона.

Въ *Porte St. Martin* бьется, въ настоящую минуту, пульсъ парижской театральной жизни. Всѣ бѣгутъ смотрѣть Patrie! Въ bureau de location нельзя получить мѣста раньше, какъ черезъ двѣ-три недѣли. Въ театральныхъ offices дерутъ съ иностранцевъ тройныя цѣны. И до тѣхъ поръ, пока іюльскій жаръ не выгонитъ изъ театральныхъ залъ самыхъ терпѣливыхъ дилетантовъ, г. Рафаель Феликсъ, директоръ Porte St. Martin, можетъ, съ математическою вѣрностью, разсчитывать на полные сборы, достигающіе въ его театрахъ весьма почтенныхъ размѣровъ. Сарду купитъ себѣ еще новый замокъ и пустится, съ легкой руки послѣдняго успѣха, въ область крупной драмы. Это вѣдь его новый дебютъ, и бо́льшей удачи нельзя было и ожидать.

Но прежде разбора самой Patrie, не мѣшаетъ посмотрѣть на какомъ фонѣ она выступила передъ публикой. Въ другихъ театрахъ, кромѣ Серафимы того же Сарду, только одинъ «Théâtre Francais» игралъ литературную вещь, возбуждавшую нѣкоторый интересъ: Les faux ménages», комедію Ed. Pailleron'a. По замыслу и обработкѣ лицъ и положеній, пьеса г. Пальерона гораздо серьознѣе Серафимы; но она прѣсна по своему заключительному акорду; въ ней опять всё тѣже прописныя правила морали, не разрѣшающія нисколько борьбы, которая уже десятки лѣтъ, завязалась между pot-au-feu и побочными связями и привязанностями... И выходитъ, что при всей легкости замысла, при нелѣпостяхъ вродѣ того значенія, какое дано пошляку Шапеляру, который въ дѣйствительной жизни былъ бы только на посылкахъ у такой ехидной бабы какъ Серафима, при банальности любовной интриги и грубоватыхъ разсчетахъ на эфектъ сценъ въ павильонѣ между адмираломъ и героиней, при всѣхъ этихъ отрицательныхъ свойствахъ,—Серафима все-таки знаменательнѣе, какъ соціальная комедія, и успѣхъ «Faux ménages» не оттянулъ публики отъ фирмы Сарду. Въ Одеонѣ ничего не давали новаго. Въ Châtelet неудачная эпопея старика Дюма: «Les Blancs et Bleus» бѣдно поставленная и плохо разыгранная еле-еле держится на афишѣ. Великая эпоха, изображаемая въ этой панорамѣ, не поднимаетъ интереса. Всё въ ней «штыковая работа» безъ руководящаго художественнаго или политическаго замысла. Vaudeville, перебираясь на новоселье, играетъ заигранную, хотя и прекрасную вещь: «La Dame au Camelias», которая въ послѣдніе два года превратилась, на этомъ театрѣ, въ затычку, въ bouche-trou, по бѣдности его репертуара. Не оправившійся отъ банкротства Gaieté ставитъ старыя драмы и труппа его работаетъ только въ ожиданіи будущихъ благъ «изъ за пищи». Въ театрикѣ «Menus plaisirs», директоръ котораго тоже обанкрутился, сборная труппа играетъ драму «le Talion», романиста Монтепена, написанную на тему полу-свѣта и возстановленія чести падшихъ женщинъ (какъ и Faux ménages), явившуюся подъ особымъ покровительствомъ Дюма-сына, но не нашедшую ни въ критикѣ, ни въ публикѣ особенно радушнаго пріема.

Наконецъ, Жакъ, неистощимый Жакъ, хотя и разразился за разъ двумя продуктами, но что называется «не выѣхалъ» ни на одномъ изъ нихъ. Долго ожидаемая «Diva», несмотря на участіе Шнейдеръ, даже самымъ тупоголовымъ petits crevés кажется скучною нелѣпостью. И не такъ плоха музыка, какъ безвкусно и пошло либретто. Разсказывать его уже совершенно невозможно, по его безсмысленности. Въ Vert-Vert, Жакъ пожелалъ, какъ и въ «Робинзонѣ», сочетать игривость съ приличной элегантностью. Успѣха эта опера тоже не имѣла; но всетаки она, по музыкѣ, характернѣе «Робинзона». Есть двѣ три сцены съ пріятной веселостью; но опять-таки сюжетъ такъ прѣсенъ, что

композитору не было повода ни къ какимъ выходкамъ той эксцентричности, которая и составляетъ принадлежность Оффенбаха. Словомъ, Vert Vert, покажется вамъ заново подкрашенной игрушкой, побывавшею въ рукахъ у нѣсколькихъ поколѣній взрослыхъ дѣтей.

Вотъ какая конкурренція обставляла появленіе «Patrie». Она не была опасна.

Но не въ одной этой посредственности текущаго репертуара нашелъ себѣ Сарду пособника. Настроенье Парижа, лихорадка выборовъ и возбужденіе оппозиціонныхъ чувствъ захвачено имъ было какъ разъ въ должный моментъ. Пріятели говорятъ про него, что онъ «malin comme un singe». Равнодушный къ соціальнымъ и политическимъ судьбамъ своей родины, авторъ «Семейства Бенуатоновъ» отлично эксплуатируетъ всевозможныя движенія французскаго общества, служа и Богу и Мамонѣ. Онъ почуялъ, что теперь бойкій и внушительный историческій сюжетъ, гдѣ-бы слова «отечество» и «свобода» произносились въ эфектной, подмывающей обстановкѣ, вызоветъ горячій приливъ симпатій и онъ выполнилъ свой наѣздъ на публику съ ловкостью и умомъ истаго парижанина.

Я пріѣхалъ въ Парижъ въ минуту появленія отчетовъ и рецензій о «Patrie». У всѣхъ lundistes'овъ нашолъ я похвалы этому произведенію съ легкими оттѣнками критицизма. Нѣкоторые восторгались до паѳоса, и даже самый реальный и крупный изъ парижскихъ театральныхъ обозрѣвателей Францискъ Сарсé нашелъ *корнелевскія* красоты въ драмѣ Сарду. Признаюсь, я былъ озадаченъ такими отзывами! Я не считаю Сарду способнымъ ни на глубокіе замыслы, ни на двигательную иниціативу, въ художественномъ ли, въ мыслительномъ-ли отношеніи. Вся суть его обширнаго репертуара сводится къ разработкѣ сатирическихъ подробностей, по указкѣ другихъ литературныхъ дѣятелей. Никогда Сарду не поднимется, какъ обобщитель явленій современной жизни, до замысловъ Александра Дюма-сына, какимъ-бы умѣньемъ и сценическимъ шикомъ не были уснащены его комедіи.

Съ такими мыслями «Ѳомы невѣрнаго» шолъ я на представленіе «Patrie», добывши съ трудомъ билетъ въ кассѣ, гдѣ выдавались мѣста до 5-го апрѣля. Высидѣлъ я до перваго часа ночи, въ жаркой переполненной залѣ, огромный спектакль съ убійственно-долгими антрактами и... вышелъ на бульваръ, не обращенный къ культу Сарду! о нѣтъ! но очень удовлетворенный.

Какъ вещь теперешняго момента, «Patrie»—блестящій продуктъ. Весь свой инстинктъ, всю свою тонкость и разсудочность, весь свой вкусъ и пониманіе сценическихъ ощущеній вложилъ Сарду въ компановку этой драмы; но такъ какъ въ немъ совсѣмъ не живетъ *общаго* творческаго содержанія, то его замыселъ и распался на двѣ части: народную борьбу и личную колизію, въ пропорціи невыгодной для первой. Сарду и тутъ не въ состояніи былъ подняться выше соображеній «успѣха», поэтому и не воспользовался своимъ мастерствомъ въ управленіи сценическими массами и далъ личной драмѣ слишкомъ большое значеніе. Опять служеніе Богу и Мамонѣ! И мужчины останутся довольны соціальнымъ колоритомъ, и женщины будутъ плакать въ раздирательныхъ мѣстахъ страстной и мрачной исторіи, впутанной авторомъ въ освобожденіе Нидерландовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Брюсселѣ, при герцогѣ Альбѣ. Неудачная попытка возстанія, подъ тайнымъ руководительствомъ принца Оранскаго, и казни заговорщиковъ,—вотъ эпизодъ, составляющій все историческое содержаніе драмы. Деспотизмъ и изувѣрство торжествуютъ и въ заключительной сценѣ, освѣщенной заревомъ костровъ, на которыхъ горятъ патріоты-еретики!.. Такой *пассивный* характеръ борьбы, пожалуй, еще сильнѣе возбуждаетъ чувство гражданской отваги въ зрителяхъ, и за него я не стану упрекать автора. Но онъ расхолодилъ все таки общее впечатлѣніе тѣмъ, что не вводитъ къ концу дѣйствія болѣе общихъ мотивовъ и задерживаетъ интересъ зрителя на перипетіяхъ страсти, не возбуждающей съ самаго начала пьесы никакой здоровой симпатіи.

Патріотъ—графъ *Ризоръ*—подготовляющій торжество принца Оранскаго, женатъ на испанкѣ. Она ненавидитъ его, какъ фламандца и еретика. Въ любовники взяла она молодаго друга своего мужа, тоже патріота—*Карлоо*. Ихъ связь открыта мужемъ; но онъ жертвуетъ отечеству своимъ супружескимъ мщеніемъ: Карлоо нуженъ народному дѣлу! Испанка, чтобы спасти своего любовника отъ смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ погубить вѣрнѣе мужа, доноситъ про ихъ заговоръ герцогу Альбѣ, требуя въ награду помилованье Карлоо. Графъ Ризоръ передъ пыткой закалывается, взявъ съ Карлоо клятву, что онъ отомститъ измѣннику, предавшему ихъ въ руки испанцевъ. Измѣнникъ этотъ — графиня Ризоръ... Она погибаетъ подъ кинжаломъ возлюбленнаго, который прямо изъ ея комнаты бросается на костеръ своихъ соучастниковъ, въ порывѣ патріотическаго одушевленія и въ искупленіе своей преступной связи съ женой друга, любившаго его, какъ сына и брата.

Въ такомъ краткомъ очеркѣ это выходитъ очень трескуче, кроваво и ходульно; но въ пьесѣ оно мотивировано и ведено съ такимъ умомъ, что даже самый брюзгливый ненавистникъ драмы прослѣдитъ ходъ интриги безъ скуки. Пароксизмы страсти жены не представляютъ ничего, ни новаго, ни симпатичнаго, и Сарду могъ сократить ихъ на половину. За то, въ коллизію между мужемъ и любовникомъ онъ очень талантливо ввелъ патріотическій мотивъ. Сцена взаимнаго благородства, когда юноша проситъ смерти, а оскорбленный въ своей супружеской святынѣ, графъ Ризоръ приказываетъ ему жить для родины, написана горячо, красивымъ, вѣскимъ языкомъ... Въ ней-то и нашли рецензенты корнелевскій «пошибъ». Я лично ставлю и ее, и всю драму индивидуальныхъ страстей, введенную въ рамку Patrie, ниже обработки общаго колорита народной трагической борьбы. Первый актъ, гдѣ слѣдуетъ, одна за другой, рядъ сценъ испанскаго изувѣрства, обставленныхъ уличной живописностью разношерстныхъ группъ солдатъ и гражданъ, дышетъ правдой и не на одну минуту не ослабляетъ душевнаго возбужденія зрителя. Къ концу этого дѣйствія всѣ нервы его натянуты, всѣ здоровые инстинкты свободы и народной самобытности овладѣли его нравственнымъ существомъ.

Это—великая заслуга! Сознательно, или безсознательно, но Сарду искупилъ однимъ этимъ актомъ индеферентизмъ своихъ прежнихъ замысловъ. Въ остальныхъ же актахъ, гдѣ подробности дѣйствій розыскной канцеляріи герцога Альбы выставляются во всей наготѣ холоднаго изувѣрства, гдѣ безобразная картина подавленія націи, ея религіи и свободы, разоблачена въ типическихъ штрихахъ, изъ которыхъ каждый «попадаетъ въ точку», чувство зрителя доходитъ до очищающаго душу омерзѣнія, а разумъ говоритъ, что какъ бы не торжествовали животная сила или фанатизмъ надъ освободительными побужденіями цѣлаго народа, они, въ концѣ концовъ, казнятъ себя своей же казнью.

Если Бельгія поднесетъ Сарду дипломъ гражданина—она поступитъ очень красиво. А тѣмъ временемъ, явился уже нѣкій *Інсопни* въ Figaro, уличающій Сарду въ заимствованіи сюжета у итальянскаго либретиста *Каммерано* и французскаго романиста *Мери*. Дѣло очень возможное. Сарду всегда любилъ «gruger les pommes du voisin». Но, во всякомъ случаѣ, его таланту, уму и ловкости принадлежитъ, какъ общій колоритъ драмы, такъ и отдѣлка сценъ. О характерахъ я не говорю ничего. Настоящаго творчества въ нихъ нѣтъ и внѣ рамки—они случайныя фигуры.

Постановка, народныя массы, характерное обличье эпохи—все это прекрасно. Исполненіе героевъ пьесы—по моему весьма посредственно. *Дюменъ*, въ роли Ризора, беретъ только фигурой. У *Фарнейль*—въ роли его жены — нѣтъ должныхъ размѣровъ страстнаго темперамента. *Бертонъ* (отецъ, бывшій петербургскій) просто плохъ, со своими криками и позами. Герцогъ Альба также мелковатъ. За то, общій ходъ игры, ансамбль—бойкій и ловко сплоченный.

6 апрѣля / 25 марта 1869 г.

НАШИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

II и III.

М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ.

Имена Каткова и Леонтьева перейдутъ нераздѣльными въ исторію русской литературы. Самымъ крупнымъ явленіемъ въ дѣятельности того и другаго являются: сперва «Русскій Вѣстникъ», потомъ «Московскія Вѣдомости», которыя они издаютъ вмѣстѣ.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ родился въ Москвѣ въ 1818 году, т. е. въ тотъ же годъ, когда въ той же Москвѣ родился Освободитель милiоновъ русскаго народа. Катковъ рано лишился отца и первоначальнымъ воспитаніемъ своимъ обязанъ матери, урожденной Тулаевой. Пробывъ нѣкоторое время въ Преображенскомъ сиротскомъ училищѣ, около года въ 1-й московской гимназіи, онъ поступилъ потомъ въ образцовый пансіонъ профессора М. Г. Павлова. Въ 1834 г. принятъ въ московскій университетъ по словесному (историко-филологическому) отдѣленію и кончилъ кандидатомъ съ отличіемъ въ 1838 году. Черезъ годъ онъ выдержалъ экзаменъ на магистра и въ 1841 году отправился за границу для довершенія образованія. Въ берлинскомъ университетѣ онъ слушалъ лекціи полтора года и много обязанъ Шеллингу, читавшему тогда свою «Положительную Философію». Посѣтивъ затѣмъ Францію и Бельгію, Катковъ, въ 1843 году, вернулся въ Петербургъ и готовъ уже былъ вступить на гражданскую службу, но графъ С. Г. Строгоновъ отклонилъ его отъ этого намѣренія. Вернувшись въ Москву, Катковъ защищалъ въ 1845 году диссертацію на степень магистра: «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» и затѣмъ сдѣланъ адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи въ московскомъ университетѣ. Каѳедра эта въ 1850 году замѣщена профессоромъ богословія и Катковъ сдѣланъ тогда редакторомъ издававшихся при университетѣ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ началѣ нынѣшняго царствованія, въ 1855 году, Каткову разрѣшено издавать «Русскій Вѣстникъ» и онъ оставилъ тогда редакторство «Вѣдомостей».

Литературная дѣятельность Каткова началась въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Имѣя около 20-ти лѣтъ отъ роду, онъ перевелъ Ромео и Джульету Шекспира (переводъ напечатанъ въ Пантеонѣ); переводы мелкихъ стихотвореній печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ», а также нѣкоторыя статьи, въ томъ числѣ извѣстная критика Фаргагена фонъ-Энзена о сочиненіяхъ Пушкина. Ни по тогдашнимъ условіямъ литературы, ни по крайне ограниченнымъ средствамъ, бывшимъ въ распоряженіи редакціи, Катковъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, не могъ придать особаго значенія «Московскимъ Вѣдомостямъ», но все же вывелъ ихъ далеко изъ разряда тогдашнихъ русскихъ газетъ. Въ 1853 г. онъ издалъ «Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи».

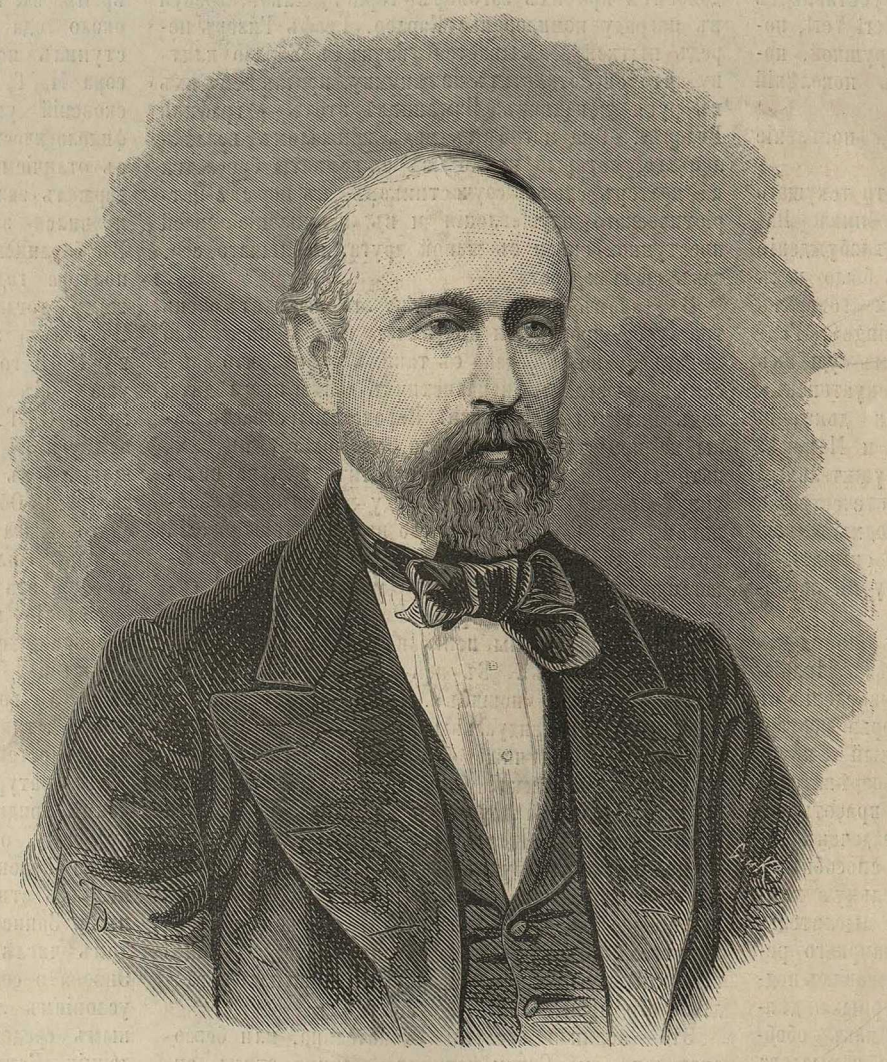
Въ 1853 г. Катковъ женился на княжнѣ Софьѣ Петровнѣ Шаликовой, дочери извѣстнаго писателя. Они имѣютъ теперь 5 сыновей и 5 дочерей.

Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ родился въ Тулѣ въ 1822 году. Родители его, помѣщики Епифанскаго уѣзда, прилагали чрезвычайное стараніе къ воспитанію своихъ дѣтей. Большое участіе принималъ въ нихъ прапрадѣдъ Леонтьева по матери, Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ. Отецъ Леонтьева любилъ чтеніе; у него и у Болотова книгъ было много. Мать Леонтьева приготовляла лекарства и усердно помогала въ болѣзняхъ окрестнымъ крестьянамъ; трудолюбіе ея доходило до того, что она любила рисовать на паутинѣ и въ собраніи Свиньина находился сдѣланный ею чепецъ изъ паутины. Необычайную усидчивость въ занятіяхъ передавала она и сыну. Леонтьевъ учился въ Тулѣ въ пансіонѣ, потомъ у отца, и въ 1835 году поступилъ въ 4-й классъ дворянскаго института въ Москвѣ. Не имѣя еще 15-ти лѣтъ отъ роду, Леонтьевъ кончилъ курсъ въ институтѣ первымъ и стремился поступить въ университетъ на математическое отдѣленіе. Графъ С. Г. Строгоновъ, слѣдившій за успѣхами учениковъ даже въ гимназіяхъ и извѣстный профессоръ Крюковъ настаивали, чтобы Леонтьевъ избралъ словесное отдѣленіе и такъ какъ онъ не имѣлъ узаконеннаго числа лѣтъ для поступленія въ университетъ, то долженъ былъ подчиниться настояніямъ. Въ 1841 году графъ Строгоновъ назначилъ Леонтьева помощникомъ библіотекаря въ университетѣ и эту должность занималъ онъ до конца 1843 года, когда, выдержавъ экзаменъ на магистра, отправился за границу. Онъ слушалъ лекціи въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ и сдѣлалъ путешествіе по Италіи. Въ 1847 г. Леонтьевъ назначенъ адъюнктомъ, а въ 1851 г. экстраординарнымъ профессоромъ римской словесности и древностей. Эту каѳедру онъ сохраняетъ до сихъ поръ.

Въ 1850 году Леонтьевъ издалъ свою магистрскую диссертацію «Поклоненіе Зевсу» и приступилъ затѣмъ къ изданію «Пропилей», сборниковъ статей по классической древности, которыхъ вышло четыре тома. Съ самаго начала изданія Катковымъ «Русскаго Вѣстника», Леонтьевъ принялъ въ редактированіи этого журнала самое ближайшее участіе.

Теперешнее поколѣніе помнитъ еще впечатлѣніе, произведенное первыми книжками «Русскаго Вѣстника». Каждый томъ его затрогивалъ цѣлую групу общественныхъ вопросовъ, о которыхъ не задолго передъ тѣмъ едва осмѣливались говорить въ тѣсномъ кругу знакомыхъ. Корифеи недавнихъ дней ужасались, увидавъ напр. въ одномъ изъ нумеровъ «Русскаго Вѣстника» статью о *свободной* торговлѣ. Великія реформы теперешняго царствованія: крестьянская, судебная и земская подвергались въ «Вѣстникѣ» все болѣе и болѣе зрѣлому обсужденію, передъ которымъ постепенно отступало теоретическое разъясненіе преимуществъ англійской государственной жизни, возбуждавшей горячее поклоненіе редакторовъ «Русскаго Вѣстника». Одна изъ главныхъ заслугъ этого журнала состояла въ его политическомъ обозрѣніи, которое пробудило въ массѣ образованныхъ русскихъ людей живой интересъ къ событіямъ и задачамъ общественной жизни. Отходя болѣе и болѣе отъ общихъ теоретическихъ вопросовъ и постепенно сближаясь съ текущими задачами дѣйствительности, редакторы «Русскаго Вѣстника» завели, наконецъ, при своемъ журналѣ еженедѣльную газету «Современную Лѣтопись».

Съ 1863 года Катковъ и Леонтьевъ взяли на себя аренду «Московскихъ Вѣдомостей», и эта газета, въ первый же годъ ихъ завѣдыванія, пріобрѣла особое значеніе. Польское возстаніе, возбудивъ глубоко общественное мнѣніе, сдѣлало «Московскія Вѣдомости» литературнымъ представителемъ національныхъ русскихъ стремленій. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ русской публицистикѣ появилась независимая сила, выражающая собой живое участіе русскаго общественнаго мнѣнія въ задачахъ національной политики и въ текущихъ государственныхъ вопросахъ. Событія, сюда относящіяся, еще слишкомъ свѣжи, чтобы было удобно распространяться о нихъ въ подробности.



М. Н. Катковъ. (*Рисов. К. Брожъ; грав. Л. Спряковъ*).

Новый апаратъ для очищенія воды для войскъ во время похода.

Затрудненіе имѣть чистую воду для питья для большихъ военныхъ отрядовъ, въ особенности въ жаркомъ климатѣ, породило въ новѣйшее время нѣсколько изобрѣтеній, изъ которыхъ одно «Patent american Tube Wells» оказало большія услуги абиссинской экспедиціи. Совершенно новое изобрѣтеніе представляютъ дорожныя фильтры Беглэй и компаніи, приготовляемыя на паровомъ гончарномъ заводѣ въ Newington Causeway и представляющія значительныя преимущества передъ другими подобными апаратами. Сосудъ для фильтрованія воды, представленный на нашемъ рисункѣ и предназначенный для англійскихъ войскъ въ Индіи, вмѣщаетъ въ себѣ до 250 галоновъ (около 100 ведеръ) нефильтрованной воды; водовмѣстилище окружено деревянными стѣнками, вслѣдствіе чего, вода, даже въ самое жаркое время года, сохраняетъ довольно низкую температуру. Вода всасывается въ апаратъ при помощи привинчивающейся къ нему питательной трубы. Подъ водовмѣстилищемъ помѣщается ведро, черезъ которое вода переходитъ въ фильтрующій приборъ. На днѣ ведра придѣланъ клапанъ для отстоя, удерживающій всѣ механическія нечистоты, стекающія внизъ черезъ предназначенный для этого кранъ. Цѣдилка, или собственно фильтръ, состоитъ изъ слоя песку, слоя древеснаго угля и еще одного слоя песку. Вода черезъ губки проходитъ въ цѣдилку, а оттуда вверхъ въ фильтрующую массу; она проходитъ послѣ этаго въ пріемникъ, изъ котораго выпускается наружу помощью крановъ. Примѣненіемъ принципа восхожденія надѣ-

Новый апаратъ для очищенія воды.

ются достичь лучшихъ результатовъ фильтрованія, чѣмъ при принципѣ осѣданія. Каждый изъ пріемниковъ, въ которые стекаетъ вода изъ фильтра, вмѣщаетъ въ себѣ до 20 ведеръ воды. Если вода очень грязна, то изъ одной цѣдилки ее можно перевести въ другую и подвергнуть вторично процесу очищенія. Если вспомнить, что во время итальянской войны, французы болѣе погибали отъ недостатка воды, нежели отъ оружія непріятеля, то важность такого изобрѣтенія покажется вполнѣ очевидною.

П. М. Леонтьевъ. *(Рисов. К. Брожъ; гравир. Л. Сѣряковъ).*

Исправительная тюрьма въ Лондонѣ.

Тюрьма «Cold-Bath-Fields», извѣстная въ народѣ болѣе подъ именемъ «Bath-Square», предназначена для преступниковъ, не подлежащихъ по ихъ проступкамъ ни ссылкѣ, ни другимъ какимъ нибудь наказаніямъ. Тюрьма эта заключаетъ въ себѣ обыкновенно до восьми сотъ человѣкъ среднимъ числомъ, присужденныхъ къ работѣ въ обширныхъ мастерскихъ, гдѣ подъ строгимъ и безпрерывнымъ надзоромъ сторожей, наблюдающихъ за порядкомъ и молчаніемъ, каждый изъ заключенныхъ занятъ какою нибудь работою. Одна изъ этихъ работъ особенно замѣчательна, какъ по новизнѣ ея изобрѣтенія, такъ и по усталости, которую она вызываетъ у людей ею занимающихся.

Передъ каждымъ изъ работниковъ помѣщается груда старыхъ смоляныхъ канатовъ различной толщины, твердыхъ какъ дерево и разрѣзанныхъ на куски. Заключенные, при помощи желѣзнаго инструмента, на подобіе граблей, должны разрывать эти куски канатовъ и превратить ихъ въ паклю.

Другая работа, которую должны исполнять заключенные въ «Bath-Square», состоитъ въ слѣдующемъ. Въ тюрьмѣ находится особый апаратъ, называемый Treadmill, и состоящій изъ громаднаго деревяннаго цилиндра, вертящагося на оси; онъ предназначается для приготовленія муки для заключенныхъ и для накачиванія воды, необходимой для различныхъ потребностей тюрьмы.

Вмѣсто того, чтобы движеніе этаго цилиндра совершалось при помощи пара или какою нибудь другою механическою силою, оно совершается помощью усилій людей, которые удерживаясь въ висячемъ положеніи, на рукахъ, на горизонтальномъ брусѣ, всѣмъ вѣсомъ своего тѣла и всею силою ногъ приводятъ цилиндръ въ движеніе, наступая поочередно на горизонтальныя ступеньки, придѣланныя къ цилиндру; отсюда происходитъ англійское названіе этого аппарата «Treadmill», которое въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «ступальная мельница».

Работа на этой мельницѣ считается между заключенными чрезвычайно трудною и страшною; она производится тѣми изъ преступниковъ, которые должны бы быть присуждены къ каторжнымъ работамъ. Каждыя десять минутъ, по свистку главнаго надсмотрщика, рабочіе смѣняются; тѣ, которые отдыхали настоящихъ передъ цилиндромъ скамейкахъ, встаютъ и принимаютъ висячее положеніе, ухватываясь за горизонтальный брусъ.

Нерѣдко можно видѣть, какъ эти несчастные, вслѣдствіе сильнѣйшаго утомленія, дрожащіе и покрытые потомъ, падаютъ безъ чувствъ ранѣе назначеннаго имъ срока окончанія работы.

Исправительная тюрьма въ Лондонѣ.

Сторожа присутствуютъ и строго наблюдаютъ за исполненіемъ наказанія и за безусловнымъ молчаніемъ работающихъ.

НОВОСТИ ИЗЪ ДАЛЕКА.

Картинныя галереи бушменовъ. Та часть Капской земли, которую европейцы отвоевываютъ отъ кафровъ, находилась прежде во владѣніи бушменовъ, древнѣйшихъ обитателей этой части южно-африканскаго материка. Горы и рѣки этой гористой страны носятъ названія бушменскаго происхожденія, а пещеры и разщелины скалъ показываютъ и теперь слѣды бушменовъ. Это презрѣнное и всѣми преслѣдуемое племя не было лишено нѣкоторой образованности. Слабое тѣлосложеніе бушменовъ, дѣлающее ихъ неспособными преодолѣвать враговъ силою оружія, или одолѣвать сильныхъ животныхъ, употребляемыхъ бушменами въ пищу, заставило ихъ замѣнить чѣмъ нибудь недостатокъ физической силы, а потому они стали отравлять свои стрѣлы. Этотъ ядъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ доселѣ извѣстныхъ ядовъ; онъ убиваетъ въ нѣсколько часовъ самыхъ большихъ животныхъ. Приготовленіе этого яда составляетъ тайну. Отравленныя стрѣлы носятся бушменами или въ небольшомъ колчанѣ, или же втыкаются ими въ головной уборъ, остріями вверхъ, на подобіе вѣнца, откуда они могутъ быть очень легко и быстро вынуты и употреблены въ дѣло. Впрочемъ, надо отдать справедливость бушменамъ, что они никогда почти не злоупотребляютъ этимъ опаснымъ оружіемъ, употребляемымъ ими для охоты; почти неизвѣстно ни одного случая какого нибудь убійства, совершеннаго надъ европейцами. — Бушмены, кромѣ очень маленькаго роста, отличаются еще безобразною формою головы. Большія уши, также какъ и маленькіе, чрезвычайно подвижные впалые глаза, не представляютъ большой привлекательности и придаютъ лицамъ бушменовъ обезьянье выраженіе. — Особенное качество бушменовъ составляетъ необыкновенная способность подражанія. Не говоря уже о томъ, что они при помощи своего гибкаго языка и голоса подражаютъ до обмана голосамъ птицъ, копируютъ движенія извѣстныхъ лицъ или животныхъ, но они примѣняютъ эту способность и къ живописи, которою занимаются очень усердно. Ихъ гроты и пещеры въ скалахъ покрыты очень искусными изображеніями людей и животныхъ, сдѣланными гораздо правильнѣе и нарисованными гораздо вѣрнѣе, чѣмъ нѣкоторые египетскія и индійскія изображенія. — Не далеко отъ одной горы сохранилась цѣлая галерея бушменской живописи. Она, по описанію путешественника, доктора Густава Фрича, находится въ проходѣ на правомъ берегу рѣки Кей, гдѣ въ скалистой стѣнѣ сдѣлана очень узенькая тропинка для пѣшеходовъ. Стѣна эта покрыта множествомъ фигуръ, частью обезображенныхъ туземцами другихъ племенъ, старавшихся подражать своимъ предшественникамъ бушменамъ. Однако многіе изъ рисунковъ бушменовъ сохранились очень хорошо и могутъ быть сразу отличены отъ позднѣйшихъ мараній. Между изображеніями животныхъ часто попадаются страусы, собаки, павіаны и нѣкоторые виды антилопъ. Особенно замѣчательны двѣ человѣческія фигуры, сдѣланныя черной краской. Фигуры эти представлены совершенно голыми; вокругъ бедеръ нарисованъ красною краской поясъ, а на головѣ повязка. Одна изъ фигуръ, представленная идущею, держитъ въ поднятой рукѣ какой-то инструментъ, по своей формѣ и величинѣ очень напоминающій зонтикъ; изображеніе инструмента украшено на нижнемъ его краю краснымъ ободкомъ. Скакунъ и другіе виды антилопъ изображены бѣлыми. Вообще же употреблено четыре краски: черная, желтая, красная и бѣлая; количество ничтожное для Рафаэля, но совершенно достаточное для художника-бушмена. Въ одномъ мѣстѣ Фричъ нашелъ на одной нависшей скалѣ, на значительной высотѣ, двѣ фигуры. Сначала мѣсто это казалось совершенно недоступнымъ, но наконецъ Фричу удалось до него добраться, такъ, что онъ могъ разсмотрѣть это произведеніе бушменской живописи очень близко. Двѣ упомянутыя фигуры представляли быка и лось; первое изображеніе было сдѣлано красною охрою на желтомъ песчаникѣ, а второе на болѣе темномъ мѣстѣ того же камня. Оба животныя были изображены довольно вѣрно. Трудно что нибудь сказать о древности этихъ рисунковъ, такъ какъ на нихъ дѣйствовали болѣе случайныя вліянія, нежели климатъ, который, вслѣдствіе своей почти постоянной сухости, не могъ дѣйствовать очень разрушительно; кромѣ того фигуры эти нарисованы въ очень защищенномъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ рисунковъ очевидно недавняго происхожденія, такъ какъ они представляютъ иногда изображенія европейскихъ солдатъ и другихъ предметовъ, показывающія, что они сдѣланы послѣ появленія европейцевъ въ этой стра ѣ. Между этими изображеніями попадаются также и лошади, не встрѣчающіяся на изображеніяхъ болѣе отдаленнаго времени, такъ какъ животныя эти не были извѣстны въ Капской землѣ до появленія въ ней голандцевъ. Лошади, привезенныя съ собою голандцами, должны были произвести такое же сильное удивленіе между туземцами, какъ и въ Южной Америкѣ, а потому на бушменскихъ рисункахъ, въ особенности ближе къ югу, часто встрѣчаются изображенія лошадей, произведшихъ вѣроятно очень сильное впечатлѣніе на воображеніе бушменскихъ художниковъ. Говорятъ, что на нѣкоторыхъ рисункахъ бушменовъ находили также и зеленую краску, но только на рисункахъ, встрѣчающихся въ восточныхъ частяхъ Капской земли, гдѣ за то не встрѣчается совсѣмъ изображенія лошади, вѣроятно впрочемъ оттого, что европейцы и кафры, завоевавъ эту страну, не пощадили туземцевъ-художниковъ, неуспѣвшихъ такимъ образомъ хорошенько приглядѣться къ особенностямъ вторгшихся въ ихъ владѣнія націй и изобразить ихъ на своихъ картинахъ.

Письмо изъ Москвы.

Наружность Москвы съ поэтической и прозаической стороны и ея впечатлѣніе на заѣзжаго петербуржца.— Студентскіе безпорядки.—Археологическій съѣздъ.

Если бы я былъ постояннымъ жителемъ Москвы, то начиная мои корреспонденціи въ вашу газету, я вѣрно не вздумалъ-бы говорить о томъ, о чемъ хочется мнѣ теперь сказать нѣсколько словъ; я разумѣю наружность Москвы, оригинальность этой наружности и ея рѣзкія особенности и отличія отъ наружности новаго и европейскаго Петербурга. Въ качествѣ человѣка заѣзжаго, гостя Москвы, я невольно остановилъ свое вниманіе прежде всего на ея внѣшности и, сознаюсь вамъ искренно, заглядѣлся и залюбовался этой внѣшностью. Очень ужъ великъ контрастъ въ извѣстномъ смыслѣ между Москвою и Петербургомъ. Физіономія Москвы, далеко не отличающаяся такою правильностью чертъ какъ физіономія Петербурга, плѣняетъ главнымъ образомъ своей исторической осмысленностью и глубокимъ выраженіемъ народности. Для кровныхъ москвичей эти *прелести* Москвы не существуютъ или, по крайней мѣрѣ, не дѣйствуютъ на нихъ, но на заѣзжаго петербуржца (если только онъ не окончательно вывѣтрилъ въ себѣ русскую натуру), они производятъ глубокое впечатлѣніе. Сначала, можетъ быть, не безъ нѣкотораго конфуза замѣчаетъ онъ, что чувствуетъ себя въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи—иностранцемъ, и притомъ чуть-ли не больше иностранцемъ, чѣмъ чувствовалъ себя пріѣхавши въ Берлинъ. Съ смѣшнымъ для москвичей любопытствомъ глазѣетъ онъ и дивится на Кремль многособорный, на этомъ Іерусалимъ Московскій, на Красную площадь съ ея раскрашеннымъ Василіемъ Блаженнымъ, на зубчатыя стѣны города, со многими тяжелыми воротами и прекрасными подворотными башнями, на множество церквей старинныхъ, маленькихъ, странныхъ, расписанныхъ образами и текстами по стѣнамъ. Всего этого нѣтъ въ Петербургѣ и вся эта *старина* давитъ и радуетъ своею *новизною* петербуржца. Смѣшно звучатъ сначала и московскія названія различныхъ частей города и улицъ, всѣ эти Плющихи, Вшивыя горки, Сивцовы вражки, Николы на курьихъ ножкахъ и т. п.

Но не въ одной этой археологической, нежилой сторонѣ Москвы заключается ея особенность отъ «столицы сѣвера»; нѣтъ, и въ формахъ быта современнаго, жизни текущей, есть свой характеръ и оригинальность, достаточно ярко сказывающіеся даже наружностью улицъ и домовъ. Чуть вы свернете въ сторону отъ большихъ улицъ, Невскихъ проспектовъ или Морскихъ московскихъ, какъ попадаете въ сѣть перекрещивающихся подъ разными углами переулковъ, уличонокъ, на половину глухихъ и кривыхъ. Въ уличонкахъ этихъ стоятъ перемѣшиваясь дома каменные, барскіе—съ домиками деревянными; въ высоту не пошли ни тѣ ни другіе, — все больше двухъэтажные; половина изъ нихъ не вышла на улицу, а стоитъ далеко отступивши въ широкій дворъ; дворъ этотъ отдѣляетъ отъ улицы заборъ, каменный или деревянный, смотря по дому. На дворѣ этомъ виднѣются разныя хозяйственныя постройки, службы, конюшни, кладовыя; при многихъ домахъ есть сады или садики. Задній планъ такой городской усадьбы примыкаетъ къ подобнымъ-же владѣніямъ другаго домика, или заслоненъ заборомъ отъ какого нибудь пустыннаго переулка или подошолъ въ плотную къ боковому или заднему фасаду низенькой, каменной церкви, почтенная древность которой не можетъ быть скрыта даже свѣжею краскою. Церковка эта не высится горделивымъ храмомъ надъ окружающими ее зданіями, не подавляетъ своихъ скромныхъ сосѣдей грандіозностью размѣровъ и формъ, а добродушно выглядываетъ изъ-за зелени деревьевъ, скромнымъ пастыремъ, снисходящимъ къ слабостямъ своихъ прихожанъ, живущимъ съ ними одною жизнью. Уютной домовитостью и тихимъ довольствомъ вѣетъ отъ этихъ обиталищъ. Народъ, живущій въ нихъ, не сбитъ, не скученъ, какъ фабричные, какъ обитатели какого нибудь громаднаго пяти-этажнаго петербургскаго дома, занимающаго чуть ли не цѣлый кварталъ и похожаго болѣе на какой-то огромный заводъ, нежели на жилой домъ. Въ такихъ домикахъ могутъ жить одно, два семейства со своими домочадцами. Эта обособленность, самостоятельность жилищъ составляетъ не малое условіе комфорта и въ этомъ отношеніи Москва имѣетъ много общаго съ Лондономъ, гдѣ, какъ извѣстно, каждый жилой домъ представляетъ собою отдѣльную квартиру. Эта домовитость и уютность Москвы кладутъ на нее тотъ теплый характеръ, которымъ она отличается отъ Петербурга—какъ отличается хорошій, обжитой кабинетъ отъ сухой офиціальной пріемной; въ послѣдней будетъ разумѣется больше чистоты и менѣе безпорядка, чѣмъ въ первомъ, но въ кабинетѣ все-таки каждый чувствуетъ себя удобнѣе и пріятнѣе.

По мѣрѣ того какъ заѣзжій (хотя бы и впервые) петербуржецъ вглядывается и вживается въ Москву, ему начинаетъ казаться, что эти формы быта и обстановка ему какъ будто уже знакомы и сродни, словно онъ не то слышалъ, не то и самъ когда-то видѣлъ ихъ и жилъ въ нихъ, да позабылъ, а теперь только переживаетъ вновь. Когда только это было? Въ дѣтствѣ ли своемъ видѣлъ онъ все это, няня-ли ему разсказывала объ чемъ-то подобномъ, во снѣ-ли снилось, или онъ въ книжкѣ прочелъ — но только странно какъ близки кажутся ему эти люди, эти нравы, весь этотъ странный городъ... И разрѣшается недоумѣніе тѣмъ, что подъ впечатлѣніемъ окружающаго, пробудился въ немъ русскій человѣкъ, а что этому человѣку не можетъ не быть близка и родственна та русская среда, въ которую онъ попалъ.

Для такого петербуржца, (я, какъ вы видите, беру экземпляръ чуткій и способный на воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній), за такого рода ощущеніями и переживаніями не сразу станетъ замѣтна та сторона московской жизни, которая составляетъ обратную сторону ея типичной медали, не сразу проснется въ немъ требовательный европеецъ, готовый сердиться на всякое нарушеніе привычнаго для него порядка.

Только заживши до прозаическаго, будничнаго отношенія къ окружающей его обстановкѣ, замѣтитъ онъ нарушенія разныхъ правилъ городскаго благоустройства: въ родѣ грязи и нечистоты на улицахъ, отсутствія на углахъ надписей съ именами ихъ, или на домахъ нумеровъ; замѣтитъ странныя стѣсненія въ родѣ приказанія ѣхать шагомъ по крѣпкимъ каменнымъ мостамъ; увидитъ можетъ быть давно забытыя въ Петербургѣ сцены ручной расправы полиціи съ извощиками или вообще съ простымъ людомъ. Не только что замѣтитъ, но вѣрно и жаловаться начнетъ петербуржецъ на чрезмѣрную дороговизну жизни, особенно нѣкоторыхъ ея сторонъ, напр. дороговизну трактировъ и извощиковъ; также на дикій обычай послѣднихъ рядясь запрашивать вдвое и втрое того, что дѣйствительно стоитъ конецъ и многое другое изъ такихъ неудобствъ, которыхъ не мало въ любомъ городѣ.

Изучая въ качествѣ наблюдательнаго человѣка типы московскаго населенія и всматриваясь для этой цѣли въ проходящихъ и проѣзжающихъ, петербуржецъ замѣтитъ вѣроятно сравнительно демократическій характеръ московскихъ улицъ. На нихъ попадаются гораздо рѣже петербургскаго блестящіе военные костюмы, изящные франты и гандены, а двигается по большей части народъ рабочій, дѣловой, торгующій; фуражка или картузъ здѣсь рѣшительно торжествуютъ надъ высокой шляпой или такъ называемымъ «цилиндромъ», а длиннополый купеческій сюртукъ, чуйка и даже армякъ пользуются полными правами гражданства. Аристократію кореннаго московскаго населенія составляетъ богатое

купечество, которое можно наблюдать по Воскресеньямъ и праздникамъ на парадныхъ прогулкахъ; медленно и съ достоинствомъ шествуетъ по бульвару чета, состоящая изъ Серафимы Карповны, разрумяненной, расфранченной, толстой, откормленной и ея самодовольнаго сожителя, не уступающаго ей въ дородствѣ и благолѣпіи. Если предполагаемый нами петербургскій наблюдатель человѣкъ съ эстетическими наклонностями и слѣдовательно поклонникъ женской красоты, то очень можетъ быть, что онъ замѣтитъ и сравнительную бѣдность Москвы на хорошенькія женскія лица. Нельзя сказать, чтобы типъ москвитянокъ былъ изъ особенно счастливыхъ; а къ тому еще и тѣ красивыя головки, которыя попадаются, вставлены въ такую дурную рамку безвкуснаго костюма, тяжелой обуви, движутся такой неловкой и неуклюжей походкой, что тонкій вкусъ петербуржца никакъ не получитъ полнаго удовлетворенія. Вообще европейской цивилизаціи, даже въ ея наружныхъ внѣшнихъ требованіяхъ, предстоитъ еще много завоеваній въ Москвѣ. Москва гораздо менѣе уступчива по своей натурѣ чѣмъ Петербургъ, гораздо устойчивѣе въ своихъ формахъ и потому, даже перенимая какое нибудь явленіе, переработываетъ его по своему, кладетъ на него свой отпечатокъ; возьмемъ для примѣра дамъ полу-свѣта или кокотокъ, этотъ букетъ современной цивилизаціи и ярыхъ послѣдовательницъ, а кое-гдѣ, какъ говорятъ, даже законодательницъ моды; мы увидимъ, что у московскихъ кокотокъ есть своя особенная мода и сохраняется свой шикъ, давно отвергнутый Петербургомъ; они вовсе не стремятся походить на порядочныхъ женщинъ и не стараются быть не прилично-скромными или скромно-приличными, какъ это принято въ Петербургѣ камеліями высшаго полета; онѣ, напротивъ, появляются передъ толпой съ дымомъ и трескомъ—на лихихъ извощичьихъ рысакахъ, въ яркихъ цвѣтахъ, съ невозможнымъ шиньономъ, развѣвающимися сзади локонами, съ смѣлымъ взглядомъ, вызывающей улыбкой и курящейся папироской,—вообще во всей поэзіи разудалаго ухорства, столь свойственной широкой русской натурѣ.

Но всѣ эти болѣе или менѣе тонкія замѣчанія и наблюденія пора прекратить, такъ какъ я не этюдъ московскихъ нравовъ и не картинки московской жизни собираюсь вамъ писать, а извѣстія о московскихъ новостяхъ и событіяхъ. Но еслибъ вы знали какъ это трудно, какъ мудрено выбрать изъ текущей московской жизни матеріалъ для хроники сколько-нибудь интересной читателямъ, особенно въ настоящее время затишья поста. Смерть нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей, какъ-то князя В. Ѳ. Одоевскаго и московскаго коменданта П. П. Корнилова, представляется новостями на столько старыми, что возвращаться къ нимъ теперь больше не приходится. Замѣчу только по поводу смерти Корнилова, что «Москов. Вѣд.» ошибкою назвали его роднымъ братомъ севастопольскаго героя, которому онъ вовсе не былъ родственникомъ.

Въ послѣднее время тревожили нѣсколько москвичей студентскія безпокойства, но къ счастію и они стали уже прошедшимъ и въ университетѣ теперь совершенно спокойно. Въ московскомъ университетѣ состоялась только одна студентская сходка, да и та, къ чести студентовъ, разрѣшилась совершенно благополучно и разумно. Мы слышали отъ самихъ студентовъ, что большинство изъ нихъ, особенно высшіе курсы юридическаго факультета, пошли на эту сходку съ цѣлью не допустить неразумное и малолѣтнее меньшинство до какихъ-нибудь неловкихъ выходокъ, которыя бы могли скомпрометировать всѣхъ. На сходкѣ этой предложенія нѣкіихъ петербургскихъ «депутатовъ» поддержать ихъ требованія были отвергнуты по причинѣ несурьезности и несвоевременности этихъ требованій и студенты, внявъ голосу благоразумѣнія своихъ же представителей, спокойно разошлись по домамъ и больше собираться повидимому не намѣрены, чѣмъ лишаютъ газету «Вѣсть» случая помѣщать эфектныя и раздражительныя прокламаціи, письма и телеграмы о студентскомъ возмущеніи, для ради пріобрѣтенія пятаковъ и другихъ авантажей.

Другое крупное событіе московской жизни представляетъ съѣздъ археологовъ, открытіе котораго послѣдовало 16 марта, что для васъ конечно не представляетъ новости. Извѣстія о засѣданіяхъ этого съѣзда, вопросахъ на немъ обсуждающихся и мнѣніяхъ по этимъ вопросамъ, доходятъ въ такой короткой формѣ конспектовъ, что не даютъ возможности сдѣлать сколько-нибудь интересныя выписки. Надѣясь, что рѣчи произнесенныя на этомъ съѣздѣ, записки прочитанныя и протоколы засѣданій будутъ собраны и напечатаны особой книгой; замѣтимъ покуда, что польза этого съѣзда, кромѣ научныхъ пріобрѣтеній, скажется еще безъ сомнѣнія тѣмъ, что заставитъ вновь обратить вниманіе кого слѣдуетъ на сохраненіе въ цѣлости русскихъ древностей, на предохраненіе ихъ отъ поврежденій исправленіями или передѣлками. Вопросъ о необходимости принять нужныя къ тому мѣры былъ поднятъ на засѣданіи 19 марта графомъ М. В. Толстымъ и горячо принятъ. Нельзя дѣйствительно не желать отъ всего сердца, чтобы наши памятники древности, эта драгоцѣнность для всякаго народа живущаго исторической жизнью, были хотя на будущее время защищены отъ руки невѣжества и бездушнаго формализма или меркантильности.

Замѣтивъ, что письмо мое вышло изрядно длинно, спѣшу его кончить, обѣщаясь въ слѣдующемъ посланіи исправиться отъ недостатковъ этого, т. е. представить большее количество извѣстій на меньшее число словъ.

Л—нъ.

Концертъ 19-го марта въ пользу Инвалидовъ.

Концертъ въ пользу Инвалидовъ дается ежегодно въ Большомъ Театрѣ, 19-го марта, въ день вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ въ 1814 году. Не было еще случая, чтобы мѣста на этотъ концертъ оставались неразобранными. Въ немъ участвуютъ лучшіе хоры музыкантовъ гвардейскихъ полковъ, а также придворные пѣвчіе,—всего до тысячи шести сотъ человѣкъ. Въ нынѣшнемъ году управлялъ оркестромъ г. Вурмъ, извѣстный солистъ на cornet-à-piston'ѣ. Кромѣ хоровыхъ піесъ исполняются также соло музыкантами гвардейскихъ полковъ.

На рисункѣ изображена сцена Большаго театра во время концерта, а равно и часть залы съ ложами и креслами. Иногородные читатели могутъ, по нашему рисунку, составить себѣ нѣкоторое понятіе о внутренности залы Большаго театра, одной изъ замѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ, какъ по богатству убранства, такъ и по удивительному акустическому устройству. Всѣ наши театры, какъ петербургскіе, такъ и московскіе, далеко отстаютъ отъ Большаго театра относительно выдержанности акустической линіи въ планѣ. Нельзя не пожалѣть, что на Большомъ театрѣ даются балеты, а не русская опера. Акустическія условія для балета вовсе не существенная вещь; между тѣмъ, теперь пѣвцамъ и пѣвицамъ русской оперы сильно мѣшаетъ въ исполненіи плохое акустическое устройство залы Маріинскаго театра, сцена котораго весьма легко можетъ быть приспособлена для балетныхъ представленій.

Гекторъ Берліозъ.

(1803—1869).

Берліозъ представляетъ въ исторіи музыки личность высоко-замѣчательную и совершенно исключительную, какъ по своеобразности отношенія своего къ искусству, такъ и по смѣлости своихъ замысловъ. Онъ—единственный французъ, не испугавшійся отвлеченности музыки чистой, симфоничной, и создавшій въ области этой произведенія размѣровъ обширныхъ. Отвлеченности-же въ искусствѣ, глубокихъ замысловъ, а также всякой сложности (въ настоящемъ случаѣ формъ)—французы не терпятъ. Такой со стороны Берліоза измѣны наглядности, пустотѣ и поверхностности—отличительнымъ чертамъ французской народности и всей ихъ культуры—соотечественники простить ему не могутъ. Потому ке удивительно, если Берліозъ въ отечествѣ своемъ не встрѣтилъ ни сочувствія, ни правильной оцѣнки, не смотря на самую заслуженную композиторскую дѣятельность, самую упорную, сорокалѣтнюю борьбу за серьезныя начала въ искусствѣ.

Въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу «Записки» Берліоза, напечатанныя тому уже года два, но по условію съ издателемъ, доступныя публикѣ только послѣ смерти его. Въ нихъ онъ обѣщалъ обстоятельно и искренно разсказать не только все, касающееся его личности и занимавшее его въ жизни и искусствѣ, но и взгляды свои на современныхъ ему, замѣчательныхъ художниковъ, съ которыми находился въ неизбѣжныхъ сношеніяхъ. Пока сообщимъ читателямъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія.

Берліозъ родился въ Котъ-Сентъ-Андре (въ департаментѣ Изеры) 11 декабря 1803 года. Отецъ его, медикъ, предназначалъ его для той же отрасли знанія, которой служилъ самъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ ребенокъ показывалъ расположеніе къ музыкѣ и внимательно прислушивался къ органу и пѣнію, сопровождавшему воскресное богослуженіе въ ближайшей приходской церкви. Имѣя едва понятіе о музыкальныхъ письменахъ, двѣнадцатилѣтній Берліозъ затѣялъ сочиненіе кантаты для нѣсколькихъ голосовъ, органа и инструментовъ, имѣвшихся въ распоряженіи прихода. Сочиненіе предназначалось для исполненія въ церкви и писалось на слова, кажется, собственнаго изобрѣтенія. Исходъ этихъ затѣй мальчика былъ добродушнѣйшій смѣхъ приходскаго органиста и всѣхъ принимавшихъ участіе въ репетиціи кантаты,—репетиціи, которой юный композиторъ, не смотря на возраженія, настойчиво добивался. Не мало испугался также отецъ его; человѣкъ практичный и по-своему серьезный, онъ не подозрѣвалъ такихъ вкусовъ въ сынѣ и его наклонностей къ такимъ пустякамъ, какъ музыка, и потому рѣшился по строже налечь на общее образованіе мальчика и усиленными научными занятіями удалить его отъ такого пагубнаго направленія. Впрочемъ сынъ мало сопротивлялся волѣ отца и скоро забылъ о музыкѣ. Но охлажденіе это было только временное. Отправленный отцомъ своимъ въ Парижъ для изученія медицины, Берліозъ по первымъ же впечатлѣніямъ отъ представленій Спонтиніевскихъ и Глуковскихъ оперъ порѣшилъ: сдѣлаться музыкантомъ во чтобы-то ни-стало и направить всѣ свои силы и способности на служеніе музыкальному искусству.

Рѣшеніе это онъ привелъ въ исполненіе съ рѣдкою настойчивостью и большимъ самоотверженіемъ. Первымъ слѣдствіемъ такого рѣшенія была ссора съ отцомъ, лишившимъ его за это всѣхъ средствъ къ существованію. Настало тяжелое время крайней нужды и всякихъ лишеній. Пришлось поступить хористомъ въ театръ Gymnase dramatique за самую ничтожную плату. Въ это же время онъ началъ впервые учиться музыкѣ у А. Рейха, взялъ у него нѣсколько уроковъ основныхъ законовъ музыкальнаго сочиненія, но вскорѣ долженъ былъ съ нимъ разстаться. Воображеніе молодаго человѣка разгоралось все болѣе и болѣе. Стремленія тогдашняго французскаго общества къ преобразованіямъ въ государственномъ устройствѣ, въ литературѣ, философіи и религіи, дѣятельность Ламартина, Виктора Гюго, Жоржъ-Санда, Альфреда де Мюссе, Сентъ-Бёва, Делакруа, какъ и всеобщее броженіе умовъ, подготовившее революцію 1830 года: все это не могло не коснуться молодого впечатлительнаго художника. И онъ не захотѣлъ отстать отъ другихъ, и онъ почувствовалъ возможность другаго отношенія къ своему искусству, и болѣе свѣжаго, и болѣе свободнаго отъ рутины и схоластики. Потому занятія его подъ руководствомъ Корона (1772—1834)—извѣстнаго музыкальнаго ученаго и педагога, но совершенно бездарнаго композитора—не могли продолжаться долго. Точно также какъ занятія его въ консерваторіи, во главѣ которой стоялъ тогда почтенный, заслуженный, но нѣсколько суровый контрапунктистъ Керубини (1760—1842), не могли отвѣчать тревожившимъ его тогда вопросамъ.

Въ консерваторію онъ поступилъ въ 1826 году, не пробылъ въ ней и двухъ лѣтъ, какъ вышелъ и занялся сочиненіемъ уже самостоятельно, безъ посторонняго руководства. Первымъ опытомъ его была месса съ оркестромъ, исполненная въ церкви St. Roche, а потомъ въ St. Eustache; какъ слушатели, такъ и исполнители общимъ голосомъ нашли ее дикою и варварскою, но Берліозъ не унывалъ, а продолжалъ сочинять. Два года сряду представлялъ онъ большія сочиненія на конкурсъ и только въ 1830 году, ему удалось кантатою Сарданапалъ получить первый призъ и поѣхать на казенный счетъ въ Италію и Римъ, для того, чтобы, по понятіямъ правительства, изучить музыкальное искуство въ его колыбели.

Еще до поѣздки своей въ Италію, а именно въ 1828 году, Берліозъ написалъ въ газетѣ le Correspondant нѣсколько замѣчательныхъ для тогдашняго времени статей о симфоніяхъ Бетговена, обратившихъ на него вниманіе, какъ на критика. Съ тѣхъ поръ онъ писалъ неустанно въ разныхъ изданіяхъ: въ Revue européenne, въ Courrier de l'Europe, въ Gazette musicale de Paris и наконецъ въ Journal des Débats, откуда громилъ противниковъ своихъ на всю Европу. Какъ критикъ, онъ не отличался особенною способностью къ анализу, музыкальное его образованіе было также не полно: онъ не умѣлъ отвлекаться отъ личныхъ вкусовъ и цѣнить памятники искуства по мѣсту, занимаемому ими въ исторіи его развитія. Потому онъ не разъ бранилъ Палестрину, Генделя, Баха, Гайдна, Моцарта (за Реквіемъ) и другихъ, а допускалъ только Глука, Бетговена, Вебера, Спонтини и развѣ Мейербера, какъ художниковъ болѣе близкихъ его личнымъ наклонностямъ и вкусамъ. Несмотря однако на все это, Берліоза приходится поставить во главѣ французской критики, какъ по музыкальному развитію его, такъ и по честности его артистическихъ

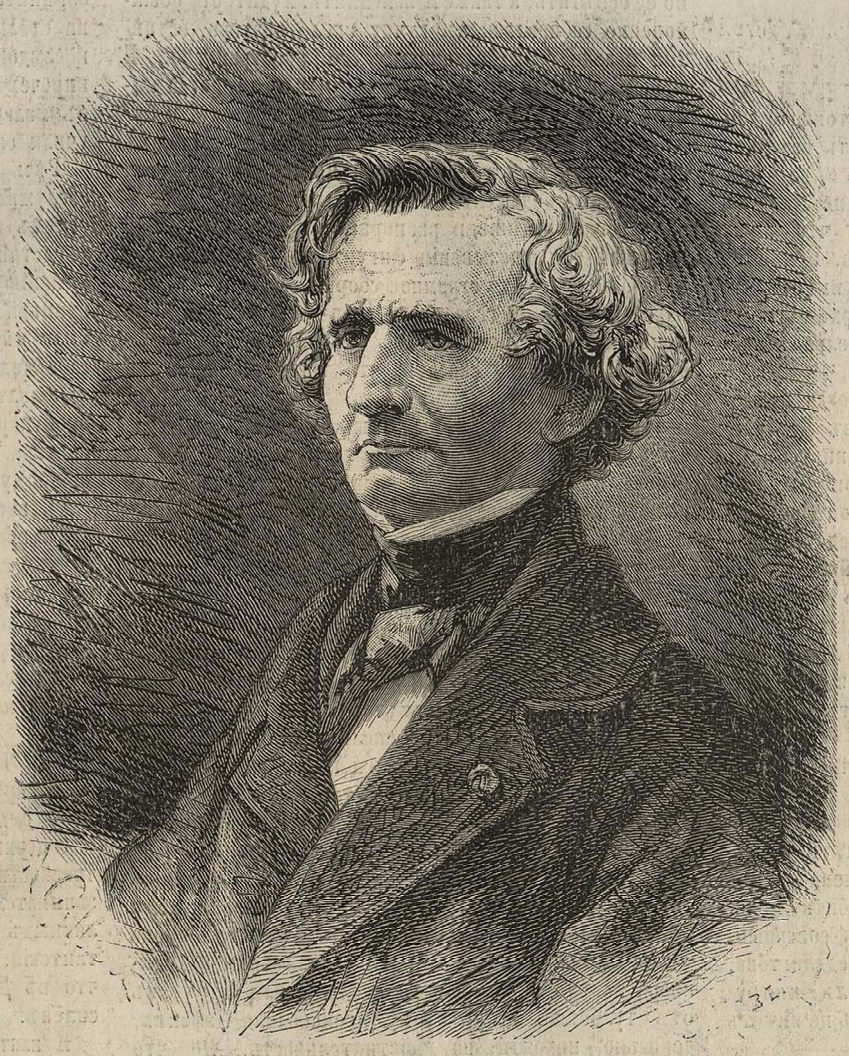
Горе и беззаботность, *рис. К. Бодмера.*

убѣжденій. Талантливая, остроумная и популярная форма литературная, въ которую онъ умѣлъ облекать музыкальныя статьи свои, представляла ту выгоду, что фельетоны его охотно читались и потому всюду распространялись. Впослѣдствіи онъ собралъ самые интересные изъ нихъ и издалъ въ трехъ отдѣльныхъ томикахъ подъ слѣдующими заглавіями: les soirées d'orchestre, le sgrotesques en musique и à travers chants.

Коснувшись литературныхъ работъ Берліоза, кстати будетъ назвать его замѣчательную теорію инструментовки, представляющую подробное, весьма характеристичное описаніе каждаго инструмента, роли его въ оркестрѣ, а также богатое собраніе примѣровъ, заимствованныхъ изъ лучшихъ памятниковъ музыкальной литературы. Теорія эта до сихъ поръ ничѣмъ не замѣнима и безъ нея ни одинъ композиторъ къ оркестру не подступится.

Н. Г.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).



Гекторъ Берліозъ.

Новый центральный путевой дворъ желѣзной дороги въ Штутгартѣ.

Въ первое время желѣзно-дорожныхъ предпріятій въ Германіи, всѣ центральные путевые дворы были построены въ очень небольшихъ размѣрахъ. Приходящіе поѣзды должны вслѣдствіе этого очень часто долго дожидаться отхода другихъ поѣздовъ, прежде чѣмъ выпустить своихъ пассажировъ на дебаркадеръ; вслѣдствіе очень ограниченныхъ размѣровъ пріемныхъ залъ и дебаркадеровъ тѣснота бываетъ очень сильная. Оттого явилась потребность перестраивать центральные путевые дворы увеличивая ихъ размѣры.

Въ Штутгартѣ, куда сходится значительное число дорогъ, тѣснота на центральномъ путевомъ дворѣ была особенно ощутительна, такъ какъ онъ первоначально состоялъ изъ одной залы, съ прилегающими къ ней помѣщеніями для кассы и для багажа, а потому, въ 1866 году, была начата перестройка этого зданія, по плану архитекторовъ Абеля, Клейна и Морлока. Новый путевой дворъ состоитъ изъ двухъ галерей съ четырьмя дебаркадерами для прихода и отхода поѣздовъ; между галереями помѣщается рядъ пріемныхъ залъ, кассы и помѣщенія для багажа. Это среднее зданіе выходитъ своимъ весьма изящнымъ фасадомъ, представленнымъ на нашемъ рисункѣ, на дворцовую улицу Schlosstrassse и образуетъ здѣсь главный входъ путеваго двора почти для всей сѣти виртенбергскихъ желѣзныхъ дорогъ. Одно изъ главныхъ преимуществъ этаго путеваго двора составляетъ положеніе его въ центрѣ города. Но само собою разумѣется, что путевому двору, находящемуся въ лучшей части города необходимо было дать самую изящную внѣшность. Надо отдать полную справедливость архитектору Морлоку, которому поручена была постройка этаго зданія; ему удалась эта задача какъ нельзя лучше. Всѣ части фасада необыкновенно красивы по своимъ формамъ и чрезвычайно гармонируютъ другъ съ другомъ такъ, что вообще, вновь, отстроенный центральный путевой дворъ, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Штутгарта.

Новый центральный путевой дворъ жел зной дороги въ Штутгартѣ.

НА ЧИСТОТУ.

(Повѣсть).

I.

Опять въ Деддингтонѣ.

Самое лучшее средство получить настоящее понятіе о какой нибудь мѣстности—уѣхать изъ нея и совсѣмъ потерять ее изъ вида.

Теперь, когда я уже лѣтъ двадцать не живу въ Деддингтонѣ, я долженъ признаться, что вижу этотъ городъ въ его настоящемъ свѣтѣ, а именно совершенно ясно сознаю, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія—ни торговаго, ни археологическаго, ни историческаго, словомъ—рѣшительно никакого.

Я, бывало, не на шутку обижался, когда приходили ко мнѣ письма, адресованныя: «въ Деддингтонъ, близъ Шайртоуна», или «въ Деддингтонъ въ Нордшайрѣ», потому что мнѣ въ голову не приходило усомниться, что каждый почтальонъ въ Соединенныхъ королевствахъ знаетъ, гдѣ Деддингтонъ, точно такъ же, какъ и знаетъ, гдѣ Шайртоунъ или гдѣ само Нордшайрское графство; я еще допускалъ, что для людей пишущихъ изъ Америки или съ континента извинительно прибавлять въ Англію «въ Нордшайръ», но людямъ, пишущимъ изъ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, я никакъ не могъ прощать подобное оскорбительное поясненіе.

Съ тѣхъ поръ, однако, прошло порядочно времени и я перебывалъ въ городахъ, значительно большихъ, чѣмъ даже самъ Шайртоунъ, и столь часто случалось мнѣ въ теченіи этихъ двадцати лѣтъ встрѣчаться съ весьма почтенными людьми, неимѣвшими ни малѣйшаго повода умышленно оскорбить меня, которые чистосердечно признавались въ совершенномъ незнаніи самаго существованія Деддингтона, что, я, какъ сказано въ началѣ, пришолъ къ грустному сознанію, что мой родной городъ не имѣетъ ровно никакого значенія.

Но какъ теперь помню я то время, когда я былъ въ полномъ убѣжденіи, что въ сравненіи съ этимъ городомъ ни одинъ другой не можетъ похвалиться своимъ значеніемъ.

Попытаюсь описать его такимъ, какимъ онъ мнѣ представлялся въ то время.

То былъ въ моихъ глазахъ, городъ, отличавшійся невѣроятной опрятностью, оживленностью и архитектурнымъ богатствомъ.

Опрятность его била въ глаза: развѣ городъ не содержалъ двухъ стариковъ, единственной и исключительной обязанностью которыхъ было сметать и сгребать грязь на обѣ стороны улицы послѣ каждаго дождливаго дня?

Объ оживленности его достаточно свидѣтельствуетъ фактъ, что разъ въ недѣлю былъ базарный день и въ этотъ день со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень съѣзжались телѣги; да сверхъ того омнибусъ ходилъ въ Шайртоунъ не менѣе трехъ разъ въ недѣлю, возвращаясь непремѣнно въ тотъ же вечеръ, и наконецъ, въ довершеніе всего, у насъ было цѣлыхъ четыре ярмарки въ годъ, изъ которыхъ одна продолжалась цѣлыхъ два дня.

Публичныя зданія города составляли, по моему убѣжденію, гордость каждаго умнаго и смыслящаго человѣка: не было во всей Англіи церкви съ болѣе высокой колокольней, съ болѣе огромными окнами, съ болѣе уродливыми лицами въ нишахъ и наконецъ большаго строенія.

Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что когда-то въ глубокой древности, по всей вѣроятности, около введенія христіанства въ Англіи, церковь эта была соборомъ, а памятникъ за алтаремъ, конечно, былъ поставленъ одному изъ древнихъ епископовъ; это было бы непремѣнно достовѣрно доказано, если бы на бѣду голова у фигуры, изображенной на гробницѣ, не была отбита и не затерялась. Зала «чудаковъ» *) (*Oddfellows*) казалась мнѣ огромною, прекрасно построенною, способною помѣстить въ себѣ по меньшей мѣрѣ сто тысячъ человѣкъ, а при нѣкоторой давкѣ до милліона. Въ этой-то великолѣпной залѣ давались у насъ лекціи общества «чудаковъ». Благодаря ея громаднымъ размѣрамъ, всегда оказывалось нѣсколько трудно ее освѣтить, а также и наполнить. Аудиторія обыкновенно собиралась въ кучку около оратора, оставляя позади себя большое пустое пространство. И я бывало размышлялъ о томъ, что если когда нибудь достигну такого величія, какъ ораторъ, и буду стоять на маленькой эстрадѣ за маленькимъ столомъ, съ поставленными на него двумя свѣчами и стаканомъ воды, предоставленнымъ въ мое исключительное владѣніе и распоряженіе, да съ длинной палочкой для указыванія фигуръ на діаграммахъ, а передо мною будетъ огромное сборище людей—такое, какое я тогда видѣлъ около себя—которые станутъ меня слушать, пока я самъ не замолчу—тогда я буду имѣть право сказать, что жилъ не даромъ и умру счастливый.

Но обширные размѣры залы «чудаковъ» никогда, быть можетъ, такъ не поражали меня, какъ въ тѣ вечера, когда въ ней давались представленія съ волшебнымъ фонаремъ.

Мы всѣ въ Деддингтонѣ чрезвычайно любили это умное, забавное увеселеніе. Я давно не видалъ прибора въ этомъ родѣ, сколько-нибудь подходящаго къ тому, который былъ у насъ и не видалъ давно такихъ интересныхъ и занимательныхъ фигуръ, какія представлялъ тогда нашъ приборъ. Фигура человѣческой головы съ носомъ, который вытягивался на столько, на сколько допускалъ занавѣсъ и затѣмъ протягивался по ближней стѣнѣ, была самая любимая. Точно такою же признавалась у насъ голова великана съ вращающимися глазами, но глаза эти вращались только тогда, когда случалось имъ повернуться въ одно время съ головой. Мандарина, который кивалъ головой, едва ли на столько любили, потому что какая-то ошибка въ механикѣ сдѣлала то, что его голова находилась на разстояніи что-то около 2 или 3 футовъ отъ туловища и по этому производила эфектъ, довольно похожій на дѣйствительность. Но что было всего лучше, такъ это туманныя картины, а особенно та, въ которой представлялась египетская пирамида; это явленіе мы считали верхомъ совершенства оптическаго искусства.

Всего одинъ разъ въ годъ, когда «чудаки» шествовали торжественной процессіей съ музыкой, знаменами, яркоцвѣтными бантами и кушаками, можно было узнать ихъ и дѣйствительно видѣть, на что они похожи; остальное время года они считались просто мясниками, портными, столярами, башмачниками и проч. и проч. Они, впрочемъ, были не только чудаками, но и весьма добродушный народъ, потому что не жалѣя отдавали свою великолѣпную залу для всевозможныхъ цѣлей и употребленій. Не только въ ней постоянно засѣдало «общество механиковъ» извѣстное число вечеровъ въ недѣлю, не только волшебный фонарь занималъ ее по очереди, но тутъ произносились во время парламентскихъ выборовъ рѣчи партіи торіевъ, тогда какъ «радикалы», какъ у насъ называли противную партію, держали свои засѣданія въ залѣ «общества трезвости»; наконецъ, случалось и миссіонерамъ завернуть въ залу «общества чудаковъ». Но единственное время, когда зала была почти полна, это были вечера съ угощеніемъ чаемъ, которыми въ то время славились жители Деддингтона; на эти вечера жаждущіе поселяне неисчислимымъ множествомъ стекались со всѣхъ окрестностей, и съ помощью такого приращенія къ деддингтонскому коренному населенію, даже эта чудовищная зала переполнялась до давки.

Зала «общества трезвости» была по меньше, но все-таки размѣровъ исполинскихъ: говоря приблизительно, я скажу, что земледѣльческая зала въ Ислингтонѣ теперь кажется мнѣ почти такихъ же размѣровъ, какихъ тогда казалась мнѣ наша зала общества трезвости, но не припомню никакого видѣннаго мною зданія, которое бы въ настоящее время казалось мнѣ такимъ громаднымъ, какимъ въ то время мнѣ представлялась зала «чудаковъ».

Въ залѣ «общества трезвости» послѣдовало мое первое появленіе передъ публикой въ весьма трогательной драмѣ: «процессъ Джона Барликорна», которую разыгрывало нѣсколько артистовъ нѣжнаго возраста и обѣщавшихъ блестящую будущность; въ такихъ юношахъ въ то время было великое изобиліе въ Деддингтонѣ, хотя, въ послѣдствіи, большая часть изъ нихъ не совсѣмъ исполнила то, чего отъ нихъ ожидали.

Джонъ Барликорнъ судился за разныя преступленія, и такъ какъ я за нѣсколько дней передъ представленіемъ былъ съ безпримѣрной быстротой возведенъ въ почетное званіе генералъ-прокурора ея величества, то мнѣ выпала обязанность читать обвинительную рѣчь противъ подсудимаго. Я былъ на столько счастливъ, что убѣдилъ присяжныхъ и послѣдовало объявленіе подсудимаго виновнымъ; впрочемъ, эта развязка заранѣе предписывалась въ маленькихъ книжицахъ, по которымъ всѣ мы учили свои роли.

Рѣчь, которую я произнесъ отъ имени короны, заслужила мнѣ столько рукоплесканій не только на самомъ представленіи, но и нѣсколько разъ въ послѣдствіи, когда я долженъ былъ повторять ее по желанію отца моего, стоя на столѣ въ нашей гостинной,—вся эта исторія, однимъ словомъ, доставила мнѣ столько удовольствія, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, я весьма серьезно помышлялъ о томъ, чтобы искать мѣста генералъ-прокурора; обязанности, сопряженныя съ этою должностью, я нашолъ не трудными, а по всему слышанному мною, зналъ, что жалованье она приноситъ весьма значительное. Но такъ какъ я прозѣвалъ время и не сейчасъ же обратился куда слѣдуетъ съ просьбой о назначеніи меня генералъ-прокуроромъ, комитетъ нашъ, на рекомендацію котораго я главнымъ образомъ основывалъ свои надежды, разошолся и съ тѣхъ поръ я ни разу не имѣлъ случая домогаться желаннаго мѣста при первой вакансіи съ малѣйшимъ вѣроятіемъ на успѣхъ.

Это, впрочемъ, отступленіе отъ моего разсказа, за которое и извиняюсь; разсказъ же мой собственно о Деддингтонѣ.

О церкви, о залѣ «чудаковъ», о залѣ «общества трезвости» я уже говорилъ; чтобы, казалось, еще занимательнаго? А между тѣмъ, кромѣ этихъ публичныхъ зданій, у насъ были еще молельни сектантскія, методистскія и многія другія, потому что въ Деддингтонѣ сектантскій духъ былъ очень силенъ.

И какъ будто этого всего еще мало, — стоило выйти изъ Деддингтона и пройти мили двѣ, чтобы очутиться передъ усадьбой «Капитана», которая всѣми признавалась едва ли менѣе роскошнымъ зданіемъ, чѣмъ тѣ, которыя описываются въ «Тысячѣ и одной ночи», и самъ «Капитанъ» тоже казался намъ недосягаемымъ аристократомъ. Такимъ-то являлся мнѣ Деддингтонъ, когда я жилъ тамъ 20 лѣтъ тому назадъ; жители его, само собою разумѣется, принадлежали, по моему полнѣйшему убѣжденію, къ какой-то высшей расѣ, вполнѣ достойной такого обиталища.

Мнѣ говорилъ Недъ Тайлеръ, что «Капитанъ», однажды, благодаря своимъ связямъ, угодилъ въ ссылку на 7 лѣтъ мальчика, единственно за то, что тотъ недостаточно проворно снялъ шапку, встрѣтившись съ нимъ, или надѣлъ ее прежде, чѣмъ «Капитанъ» исчезъ у него изъ вида, — одно изъ двухъ, но что именно, право, не помню; и хотя до «Капитана» всѣмъ намъ далеко, однако я до сихъ поръ помню двухъ-трехъ удалившихся отъ дѣлъ бакалейщиковъ и торговцевъ разными матеріями, которые жили за городомъ и на которыхъ я смотрѣлъ съ такимъ благоговѣніемъ, какого послѣ того никогда не удавалось внушить мнѣ ни одному человѣку, хотя бы и самаго возвышеннаго званія.

Въ самомъ городѣ два дома сильно отличались отъ прочихъ; въ одномъ изъ этихъ домовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «миртоваго дома»—Myrtle house (хотя ни въ немъ, ни въ окнахъ не было ни одной мирты, которая въ этой части Англіи такая же рѣдкость, какъ живая черепаха) жила миссъ Беллеми, незамужняя вдова лѣтъ пятидесяти.

Myrtle House былъ самый большой во всемъ городѣ—массивное, четыреугольное каменное зданіе, съ фронтонами надъ всѣми окнами и подъѣздомъ на статныхъ колоннахъ изъ полированнаго мрамора. Миссъ Беллеми извѣстна была за большую богачку; отецъ ея много лѣтъ передъ тѣмъ былъ адвокатомъ и сдѣлалъ отличную карьеру, а она, его единственная дочь, унаслѣдовала его состояніе еще въ молодости. Какое-то разочарованіе, испытанное ею въ молодыхъ лѣтахъ, какъ говорили нѣкоторые, или, какъ утверждали другіе, малодушіе мужчинъ, не дозволявшее имъ сдѣлать предложеніе такой богачкѣ, заставили ее остаться незамужнею; въ каковомъ званіи ей, по всей вѣроятности, предстояло прожить до смерти.

Въ самомъ дѣлѣ, когда она, въ хорошую погоду, выходила гулять, а за ней шолъ лакей, а подлѣ нея бѣжала собачка, или когда, въ мокрую погоду, ей подавалась большая, четырехъ-

---

*) Общество весьма распространенное въ Англіи и въ Америкѣ — почти тоже самое, что масоны. Назвали они себя «чудаками» (Oddfellows—собственно странные парни) потому, что ихъ нравы и образъ жизни не подходятъ къ общепринятымъ: они не пьютъ вина и процессіи свои совершаютъ въ довольно смѣшномъ костюмѣ, сильно напоминающемъ масонскій и вообще чудачатъ. Общество это, какъ и всякое другое не политическое общество, пользуется въ Англіи и Америкѣ полнѣйшей терпимостью. «Люди хотятъ быть чудаками, ну и пусть будутъ чудаками» говоритъ англійскій здравый мыслъ.

мѣстная карета, въ которой она изрѣдка ѣздила даже къ «Капитану», не мало нужно было дерзости человѣку, чтобы, увидѣвъ ее во всемъ блескѣ, возъимѣть дерзость сдѣлать ей предложеніе.

Другой домъ, отличавшійся отъ остальныхъ, принадлежалъ моему дядѣ. Домъ этотъ былъ далеко не такъ величественъ, какъ Myrtle House, и не имѣлъ отличительной клички, а былъ извѣстенъ только подъ названіемъ «дома адвоката Энока», но все еще былъ хорошій, солидный домъ, гораздо обширнѣе, чѣмъ большая часть другихъ домовъ въ городѣ.

Снаружи самой замѣчательной чертой его было то, что въ парадную дверь вело нѣсколько ступеней, которыя въ то время мнѣ казались цѣлой лѣстницей, съ перилами для большой безопасности; а такъ какъ дядя мой былъ, или мнѣ казался, что сводится на то же, самымъ высокимъ человѣкомъ, какого я когда-либо видѣлъ не на выставкѣ,—то я и воображалъ, что ступени эти были сдѣланы для того, чтобы дать ему возможность удобнѣе обозрѣвать окружающія мѣстности съ высоты своего величія. Онъ былъ младшимъ братомъ моего отца; звали его Томасомъ, а отца моего Вильямомъ. Кстати, скажу и свое имя, на случай, если читатель полюбопытствуетъ узнать его: меня звали, какъ и отца моего, Вильямомъ. Въ то время, подписываясь Вильямомъ Энокъ, я прибавлялъ — младшій, но это прибавленіе, увы, сдѣлалось теперь излишнимъ, потому что дорогой Вильямъ Энокъ—старшій много лѣтъ исчезъ туда, куда задолго передъ тѣмъ исчезла и добрая его жена, которой я почти не зналъ, и милые мальчики и дѣвочки, которыхъ было много, и изъ которыхъ остался въ живыхъ одинъ я.

Дядя мой, Томасъ Энокъ, или, какъ его обыкновенно называли, адвокатъ Энокъ, благоденствовалъ, и если честность, доброта и строгая нравственность заслуживаютъ награды, то благоденствовалъ вполнѣ законно. Онъ имѣлъ обширную и весьма выгодную практику, преимущественно, какъ нотаріусъ, и около того времени, когда я уѣхалъ изъ Деддингтона, взялъ къ себѣ въ компаніоны сына своего, а моего двоюроднаго брата Тома, надѣясь въ скоромъ времени передать ему всѣ дѣла.

Но что такое наша жизнь? Этого здороваго, красиваго молодца давно ужь нѣтъ; братъ его Джемсъ умеръ около года спустя послѣ него, а третій братъ, Чарли, почти черезъ такой-же срокъ послѣдовалъ за старшими.

Такъ случалось, что почти каждая моя поѣздка въ мой родной городъ совершалась по случаю чьей-нибудь смерти. Множество надгробныхъ насыпей въ нашемъ маленькомъ кладбищѣ и длинный рядъ памятниковъ, принадлежавшихъ сперва нашей отрасли семейства, а потомъ дядиной, свидѣтельствуютъ о числѣ моихъ поѣздокъ.

Когда я ѣздилъ туда въ послѣдній разъ, мѣсяца три тому назадъ, хотя я отправлялся по очень печальному поводу, однако, меня не мало радовало сознаніе, что я ѣду, по крайней мѣрѣ, не на похороны.

Былъ полдень, когда я пріѣхалъ, а день базарный. Городъ казался мнѣ такимъ страннымъ, опустѣвшимъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ я видѣлъ его и представлялъ себѣ въ дни моего дѣтства. На базарной площади стояло всего 7 деревенскихъ телѣгъ, да было разбросано нѣсколько ларей—мясницкихъ и другихъ, у которыхъ стояли ихъ хозяева въ терпѣливомъ ожиданіи упорно не появлявшихся покупателей. Мнѣ казалось, что въ нѣкоторыхъ незнакомыхъ мнѣ лицахъ, я вдругъ узнавалъ что-то напоминающее мнѣ черты стараго школьнаго товарища, и время отъ времени, но не часто, эти незнакомцы, съ своей стороны, пристально вглядывались въ меня, какъ будто и имъ чудилось въ моемъ лицѣ что-то знакомое.

Церковь, хотя все еще почтенная и красивая, представлялась мнѣ не такимъ уже соборомъ, какимъ я воображалъ ее, и я даже не устыдился признаться самому себѣ, что архитектура ея подлежитъ подозрѣнію въ болѣе позднемъ происхожденіи, нежели я мечталъ въ молодости.

Зала «общества трезвости» превратилась, хотя я едва вѣрилъ глазамъ своимъ, въ литейню чугуннаго мастера. Зала «чудаковъ», по тому ли, что близъ лежащіе дома выросли изъ земли или самое зданіе какъ-то вросло въ нее и понизилось — показалась мнѣ снаружи весьма умѣренныхъ размѣровъ. Главная улица Broadstreet (широкая улица) совершенно не соотвѣтствовала своему названію, и показалась мнѣ, напротивъ, узкою и тѣсною.

Мнѣ встрѣтилась карета бывшаго «Капитана» (давнымъ давно произведеннаго въ адмиралы) Я къ шляпѣ даже не прикоснулся, и хотя съ тѣхъ поръ прошло уже три мѣсяца, иска противъ меня до сихъ поръ еще не предъявлено. Проходя мимо Myrtle House, я случайно ударилъ палкою объ одну изъ полированныхъ мраморныхъ колоннъ—невозможно было ошибиться въ звукѣ, ясно изобличавшемъ присутствіе дерева подъ полировкой и, по правдѣ сказать, самая краска порядочно нуждалась въ подновленіи.

Когда я дошолъ до дядинаго дома, меня ужь не удивило, что я на мѣстѣ прежней воображаемой лѣстницы чуть ли не въ 40 или 50 ступеней, нашелъ всего 4 ступеньки, и когда въ лицѣ самаго дяди, вмѣсто какого-то исполина, предсталъ передо мной человѣкъ, никогда не превышавшій средняго роста, худощавый, сгорбленный по милости своихъ 72 лѣтъ, и еще болѣе, по милости заботъ и огорченій, пережитыхъ имъ.

II.

Аукціонъ.

Я уже говорилъ, что поводомъ къ моей поѣздкѣ, хотя и не похороны, былъ весьма печальный случай. Пусть читатель разсудитъ самъ. Дядя мой во все время, какъ занимался своей профессіей, наживалъ порядочно денегъ. Въ первой половинѣ своей карьеры, когда онъ былъ окружонъ семействомъ, былъ весьма бережливъ и хлопоталъ о приращеніи своего состоянія, но впослѣдствіи, когда у него изъ всего семейства осталась одна единственная дочь, Ада, онъ все менѣе и менѣе сталъ дорожить деньгами; онъ раздавалъ ихъ весьма щедро бѣднымъ, но никогда не путемъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, а разными секретными и ему одному вѣдомыми путями. Въ рождественское время аппетитно дымился не одинъ убогій столъ, который, не будь его, остался бы пустымъ; не въ одномъ каминѣ въ длинные зимніе вечера весело трещалъ яркій огонь, въ которомъ безъ его заботливости было бы черно и холодно. Кромѣ того онъ, не жалѣя, тратился на домъ свой и на дочь.

Домъ его, во всей окрестности и даже далѣе, славился изяществомъ и вкусомъ, съ которымъ онъ былъ отдѣланъ. Дядя полагалъ особенную гордость въ томъ, чтобы все у него, начиная съ какой нибудь коробочки и кончая подвалами и погребами, было въ самомъ лучшемъ видѣ, наполнено всѣми удобствами, какія только можно имѣть за деньги.

— Тебѣ все еще довольно останется, дитя мое, говаривалъ онъ,—какъ бы я ни тратился на обзаведеніе, чтобы мужчины за тобой бѣгали.

Что касается самой Ады, единственное его горе состояло въ томъ, что ни за какія деньги не могъ онъ купить ничего, чтобы ему казалось вполнѣ достойнымъ ея. Во всемъ округѣ небыло ничего изящнѣе и красивѣе ея маленькой коляски съ парою сѣрыхъ съ яблоками лошадокъ, но онъ далеко не оставался ими доволенъ; тоже самое было и съ ея золотыми вещами, ея гардеробомъ, ея роялемъ, ея арфою и любимыми неразлучками въ золоченной клѣткѣ, ея удивительной красавицей собачкой Нелли, которая каждый годъ на собачьей выставкѣ получала первую премію—все это было очень хорошо, такъ что лучше и быть не могло, но, по его словамъ, далеко не вполнѣ хорошо и даже на половину не достойно его Ады.

Ада была его счастьемъ, его жизнью, единственнымъ существомъ, для котораго и ради котораго онъ еще дорожилъ жизнью.

Она сама объявила, что потеряла всякую надежду на то, чтобы, по выраженію ея отца, мужчины за ней бѣгали, и ужь смотритъ на себя, какъ на законную преемницу миссъ Беллеми въ почетномъ званіи деддингтонской старой дѣвы.

— Мнѣ, папа, двадцать-пять лѣтъ, бывало говорила она;—а жениха еще нѣтъ. Пора остепениться. Пойду-ка я къ миссъ Беллеми и распрошу, чѣмъ лучше лечить ревматизмъ въ мои года, допрошу, неможетъ-ли она промѣнять мнѣ Нелли на почтенную, примѣрнаго поведенія кошку.

Если миссъ Беллеми въ такую минуту случайно проѣзжала мимо дома, Ада дѣлала видъ, будто усердно манитъ ее рукой изъ окна, съ намѣреніемъ предложить ей эти вопросы, но, разумѣется, всегда держалась на такомъ разстояніи отъ окна, чтобы старушка не могла замѣтить ея шалости.

Въ этихъ шалостяхъ, когда онѣ направлялись противъ миссъ Беллеми, отецъ Ады никогда непринималъ участія, а напротивъ того, часто просилъ ее перестать, и вообще, казалось, питалъ какое-то непонятное уваженіе, почти благоговѣніе, къ этой дамѣ—непонятное потому, что оба они никогда ни по какому случаю не бывали другъ у друга и, на сколько извѣстно было Адѣ, много, много лѣтъ даже не говорили другъ съ другомъ.

— Куда ужь тебѣ въ старыя дѣвы? бывало отвѣчалъ онъ дочери: — я всегда побаиваюсь пока ты непридешь завтракать, что тебя за ночь похитили.

Само собою разумѣется, что Ада, хотя и не была невѣстой въ двадцать-пять лѣтъ, не дожила до этихъ лѣтъ, не получивъ ни однаго приглашенія сдѣлаться невѣстою. Разгадка была въ томъ, что ей не хотѣлось разставаться съ отцомъ и потому она холодно принимала всякое ухаживанье, и, видя, что отецъ ея все свое счастье полагаетъ въ ней, рѣшилась съ своей стороны исключительно посвятить себя ему, въ чемъ находила себѣ полное удовлетвореніе.

Теперь будетъ лѣтъ пять съ тѣхъ поръ, какъ дядя мой передалъ на руки своимъ двумъ главнымъ конторщикамъ всѣ дѣла свои, которыя, будь я юристомъ вмѣсто того, чтобы быть инженеромъ, онъ передалъ бы мнѣ. Съ этого времени они съ Адой сдѣлались еще неразлучнѣе, еще необходимѣе другъ другу Онъ началъ съ нею путешествовать. Капиталы свои помѣстилъ самымъ простымъ, доступнымъ образомъ, такъ чтобы получать доходъ по возможности безъ хлопотъ, съ закладныхъ, съ процентныхъ билетовъ, съ бумагъ государственнаго фонда и проч.,—однимъ словомъ, онъ все привелъ въ наилучшій порядокъ, чтобы спокойно доживать свой вѣкъ.

Единственнымъ отступленіемъ отъ его твердаго намѣренія совершенно удалиться отъ всякихъ дѣлъ было то, что по общей просьбѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставался директоромъ мѣстнаго банка.

Два года съ половиной назадъ, онъ наконецъ окончательно осуществилъ задуманный имъ планъ, отказавшись и отъ этой должности, но въ тоже время согласился оставить за собою свои акціи, изъ опасенія, чтобы продажа ихъ не повредила банку, къ которому онъ еще имѣлъ полнѣйшее довѣріе.

(*Продолженіе будетъ*).

Почтовый Ящикъ.

Г. К-ву, въ Москвѣ. Письма ваши не будутъ напечатаны, потому что вы въ нихъ распространяетесь о вещахъ, интересныхъ только для немногихъ, о вещахъ-же общеинтересныхъ, напр. объ археологическомъ съѣздѣ, упоминаете только вскользь. Разборы плохихъ и необратившихъ на себя ничьего вниманія книгъ также помѣщаемы быть не могутъ.

Г. Рязанскому подписчику. Одинъ изъ требуемыхъ вами портретовъ уже помѣщенъ во «Всемірной Иллюстраціи». Мы будемъ вообще помѣщать портреты только наиболѣе выдающихся личностей.

Г. П—ву, въ Костромѣ. Разсказъ вашъ можетъ быть напечатанъ только съ сокращеніями. Извѣстите, согласны-ли вы.

Г. Ж—ву, въ Костромѣ. Благодаримъ за доставленныя свѣдѣнія. Мы ждемъ другихъ подобныхъ и тогда напечатаемъ всѣ вмѣстѣ. Отъ кореспонденціи не отказываемся.

Г. Р—чу. Стихи ваши напечатаны не будутъ. Мы не скажемъ, чтобы у васъ не было таланта, многіе мотивы вашихъ стихотвореній поэтичны, но ни одно изъ нихъ не выдержано до конца.

Переводчику «Мушки» Гейне. Вашъ переводъ можетъ быть напечатанъ, но требуетъ значительныхъ исправленій.

Г. А. С. въ 5-й ротѣ Измайловскаго полка. Извините за поздній отвѣтъ. Свѣдѣнія, сообщенныя вами, будутъ приняты въ соображеніе при дополнительномъ спискѣ бывшихъ студентовъ С.П Б. Университета. Подписка на полгода принимается черезъ казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Въ Курскъ. Н. И. Я—шъ. Разсказъ вашъ напечатанъ не будетъ. Не понимаемъ, что за охота наблюдать русскаго крестьянина *только* въ кабакѣ! Не лучше-ли оставить эти заботы «Вѣсти» и «Новому времени»?

Арабскія, турецкія, чешскія и нѣмецкія сказки Эд. Лабулэ. Томъ I. С.ПБ. 1869. Изданіе *Н. И. Ламанскаго.*

Читатели найдутъ въ этомъ № «Всемірной Иллюстраціи» виньетку, работы гг. Маркова и Сѣрякова, къ сочиненію, заглавіе котораго выписано выше. Сказки эти написаны Лабулэ раньше *Парижа въ Америкѣ* и *Принца Собачки* и не надѣлали такого шума, хотя все первое изданіе разошлось. Они написаны, когда, по выраженію автора, «жизнь еще улыбалась ему». Авторъ, въ предисловіи ко второму изданію, слѣдующимъ образомъ выражаетъ свою руководящую мысль при писаніи арабскихъ сказокъ, (которыя занимаютъ весь первый томъ): «Я еще разъ хотѣлъ показать ему (читателю) какъ похожи люди другъ на друга, какъ весь родъ человѣческій ничто иное, какъ одна семья. Какую-бы религію люди ни исповѣдывали, они не перестаютъ любить и страдать; между ними всегда найдутся великодушные и коварные, добрые и злые. Каковабы ни была родная церковь, совѣсть гнушается эгоизма и восхищается самопожертвованіемъ. Разъединенные мыслью, мы всѣ связаны сердцемъ».

Мысль не нова. Какъ извѣстно, она составляетъ основу Лессингова «Мудреца Натана». Но хорошія мысли не мѣшаетъ повторять и изложеніе данной мысли въ легкой формѣ сказочнаго разсказа есть своего рода популяризація, за которую нельзя не сказать спасиба автору.

Переводъ сдѣланъ добросовѣстно и къ нему приложенъ дѣльно-написанный «Очеркъ политической дѣятельности Эд. Лабулэ».

Виньетка къ переводу сказокъ Эд. Лабулэ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція «Всемірной Иллюстраціи» обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ своимъ гг. подписчикамъ, комисіонерамъ и кореспондентамъ, присылать въ редакцію рисунки, изображающіе какое-либо событіе въ данномъ городѣ, или мѣстности, могущее интересовать всѣхъ. Фотографическіе снимки мѣстностей, замѣчательныхъ древностей, а равно новѣйшихъ сооруженій, особенно желѣзно-дорожныхъ, будутъ также съ благодарностью приняты редакціей. Отъ рисунковъ не требуется художественной отдѣлки; нужны только вѣрные наброски. При изображеніи какого-нибудь событія, напр. открытія желѣзной дороги, торжественнаго въѣзда и т. п., просятъ обозначать надписью мѣста замѣчательныхъ лицъ и прилагать, по возможности, ихъ портреты.

Редакція, предполагая знакомить публику съ замѣчательнѣйшими фабричными, промышленными и сельско-хозяйственными заведеніями, обращается съ просьбою къ гг. хозяевамъ, или управляющимъ, доставлять ей рисунки и описанія сказанныхъ заведеній, съ указаніемъ, что въ нихъ есть особенно интереснаго, или новаго въ Россіи.

Только при такомъ общемъ содѣйствіи редакція «Всемірной Иллюстраціи» можетъ вполнѣ выполнить свою програму.

A vendre une Villa à Dresde

(Saxe royale).

Une propriété à Dresde avec un terrain de plus de 4000 mètres carrés, magnifiquement située au bord de l'Elbe offrant la plus belle vue de Dresde et de la Suisse saxonne est à vendre pour le très-bas prix de Thlrs. 60,000.

Avec peu de frais cette propriété peut être changée en une trés-belle villa. S'adresser franco N. U. 320 aux soins de Messieurs **Haasenstein & Vogler** à Leipzig.

АПТЕКАРСКІЕ
И БЛАГОВОННО-КОСМЕТИЧЕСКІЕ ТОВАРЫ
И. САБЛУКОВА.

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи, № 39, въ С.-Петербургѣ.

Выборная парфюмери отъ фабрикъ и заводовъ:

Любенъ. Духи и помада.
Легранъ. Одезальпъ и кремы.
Пино. Духи Віолетъ де Пармъ.
Віоле. Мыло Тридасъ и проч. предметы.
Общества врач. Париж. Порошокъ зубной и прочіе предметы.
Гендри. Духи разные и мыло Виндзоръ.
Пелетье. Элексиръ и оданжъ для зубовъ.
Белій. Эсъ буке.
Д-ра Эвенсъ. Порошокъ и элексиръ для зубовъ.
Д-ра Пьеръ. Вода зубная.
Ф. Маріа Фарина. } Одеколонъ.
Ж. Ф. Фарина. } Одеколонъ.
К. М. Фарина. } Одеколонъ.
Ж. М. Фарина № 4. } Одеколонъ.
Ди комора. Краска для волосъ Меланожень.
Желе. Краска для волосъ Нигритинъ.
Товарищества заводовъ Царскаго мыла.
А. Ралле и Комп. (Коммиссіонеръ).
С. Сіу и Комп. Шоколадъ и Драже (коммиссіонеръ).

Подробные прейсъ-куранты по требованію посылаются немедленно чрезъ почту.

WILLCOX & GIBBS
SEWING MACHINE COMPANY.

Жители всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить эту швейную машину, или же принять на себя агентуру оной въ большихъ городахъ, благоволятъ обращаться къ единственному по всей Россіи агенту компаніи Вилькокса и Гиббса, **Ж. БЛОКУ**, въ Москву, на Кузнецкомъ мосту въ домѣ князя Голицына.

Тамъ же имѣется всѣмъ извѣстная швейная машина Гауе младшаго и выборы матеріаловъ для швейныхъ машинъ.

Am 1. April beginnt ein neues Abonnement auf

Hans Wachenhusen's Hausfreund.
Hammer und Amboss
neuer grosser Roman von
Friedrich Spielhagen

wird in dem jetzt beginnenden Quartal zu Ende gebracht. Ausser dieser bedeutendsten aller bisherigen Schöpfungen des genialen Schriftstellers enthalten die ersten Nummern: **Die preussischen Illuminaten**, Skizze von Max Ring, Illustration von Ludwig Burger. — **Im Mondenschein**, Novellen von Fr. Gerstäcker. — **Die Spielhölle Monaco.** — **Heinrich Heine's Grab.** — **Londoner Photographien.** — **Petersburger Briefe.** — **Karlsbad's Entstehung.** — **De Bremer Wienreisende un de Wülwe**, plattdeutsche Humoreske von Dr. Schroeder, illustrirt von Karl Reinhardt. — **Wiener Briefe.** — **Münchener Bilderbogen.** — **Wochen-Chronik** von H. Wachenhusen etc.

Kein deutsches Journal erreicht den Hausfreund an Gediegenheit und Mannigfaltigkeit des Inhalts und der Ausstattung.

Man abonnirt für jährlich 3 Rbl. bei allen Kaiserlich russischen Postanstalten und allen Buchhandlungen, in St. Petersburg auch bei Herm. Hoppe, gr. Sadowaja Haus Iljin № 16.

Berlin, Kronenstrasse 21. **Hausfreund-Expedition (E. Grætz).**

Нижеподписавшійся банкрскій домъ *покупаетъ* и *продаетъ всякаго рода государственныя бумаги и акціи желѣзныхъ дорогъ и т. п., въ особенности-же русскія* облигаціи и фонды, по курсу, какой стоитъ въ данный день на Берлинской биржѣ.

Торговля государственными бумагами, облигаціями, билетами лотерейныхъ займовъ и фондами Макса Мейера.

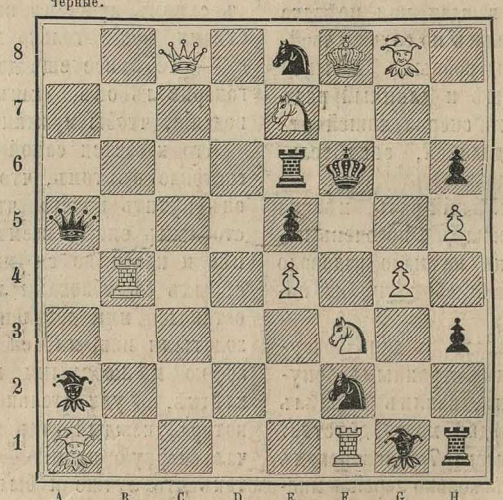
Берлинъ, на Лейпцигской улицѣ, 94 (Leipzierstrasse, 94).

Русскіе банковые билеты покупаются по курсу. Письма принимаются на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 11,

ИВ. Т. САВЕНКОВА.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 4 хода.

Шахматы въ Вѣнѣ.

Г. *Калишъ* сыгралъ недавно слѣдующую, замѣчательно тонкую партію, не смотря на доску. Противниками его были *Баронъ Альбертъ Ротшильдъ* и г. *Деккеръ*, игравшіе по консультаціи. Надо замѣтить, что въ тоже время г. *Калишъ* велъ двѣ другія игры также безъ шахматной доски.

(Французскій выходъ).

Бѣлые. (г. Калишъ).	*Черные.* (Союзники).	*Бѣлые.*	*Черные.*
1. c2—e4	e7—e6.	13. c2—c3	b7—b6.
2. d2—d4	d7—d5.	14. e3—e4	c6—e7.
3. b1—c3	f8—b4.	15. f3—e5	d8—e8.
4. f1—d3	d5—e4°.	Выходъ игранъ отлично съ обѣихъ сторонъ.	
5. d3—e4°	g8—f6.		
6. e4—d3	b8—c6.	16. d1—e2	e7—g6.
7. g1—f3	h7—h6.	17. e5—g6°	e8—g6°.
8. 0—0(рокир.)	b4—c3°.	18. f1—f4	c8—d7.
9. b2—c3°	0—0.	19. a1—f1	f8—f7.
10. c1—e3	f6—d5.	20. d4—d5	a8—f8.
11. c3—c4	d5—c3°.	21. e4—e5	g6—g5.
12. f2—e3°	f7—f5.	22. f1—f3	g5—e7.
23. f3—g3	g8—h8.		
24. g3—g6	a7—a5.		
25. e2—h5	e7—c5+(шахъ).		
26. f4—d4.			

Такъ играть лучше, чѣмъ подвигать короля на h1, на что противники могли бы отвѣтить королевой на e3, съ полной безопасностью и выгодой.

26. f7—e7.

Угрожая поставить Слона на e8, или же, черезъ ходъ выиграть пѣшку e5

27. g2—g4 e6—d5°.
28. g4—f5° e7—e5°.
29. g6—h6°+.

Мастерская комбинація.

29. g7—h6°.
30. h5—h6°+ h8—g8.
31. h6—g6+ g8—h8.
32. g1—g2.

Все это удивительно соображено г. Калишемъ. Надобно замѣтить, что еслибъ онъ сдѣлалъ ходъ королемъ на h1, то потерялъ бы даму; напр.

32. g1—h1 e5—e1+
33. h1—g2 e1—h1+
34. g2—g1° f8—g8, и пр.

32. c5—e7.

Единственное средство для черныхъ избавиться отъ немедленнаго проигрыша.

33. g6—h6+ e7—h7.
34. h6—f8°+ h7—g8+.
35. f8—g8°+ h8—g8°.
36. g2—f3 g8—f7.
37. f3—f4 f7—f6.
38. d4—d5° e5—e7.
39. h2—h4 e7—h7.
40. h4—h5 d7—e8.
41. c4—c5 b6—b5.
42. d5—d8 f6—e7.
43. f5—f6+ e7—d8°
44. d3—h7° e8—h5°.
45. f4—g5 h5—f7.
46. a2—a3 d8—e8.
47. h7—g6 черные сдались.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Апрѣля 1869 г. За Редактора—Издатель Германъ Гоппе. Типографія и Литографія А. Траншеля, на углу Невск. и Влад. просп. д. №45—1